SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- В. В. Огарков
  -
  - Глава I. Ранние годы
  - Глава II. На политической арене
  - Глава III. Надежды и разочарования
  - Глава IV. За границей
  - Глава V. Почет и невзгоды
  - Глава VI. Последние годы
  - Источники
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

В. В. Огарков
Екатерина Дашкова
Ее жизнь и общественная деятельность
Биографический очерк
С портретом Дашковой, гравированным в Лейпциге Геданом

Глава I. Ранние годы

Особенное место, занимаемое Дашковой среди сподвижников Екатерины II. – Рождение ее. – Раннее детство. – Смерть матери. – Канцлер Воронцов берет ее к себе. – "Блестящее" образование. – Самодеятельность. – Невзрачная наружность Дашковой. – Гордость и самолюбие ее. – Удаление из Петербурга. – Чтение. – Переписка с братом. – Атмосфера политики. – Интерес к общественным вопросам. – Желание путешествовать. – Встреча с Дашковым. – Сближение. – Рассказы об этом в обществе. – Помощь императрицы. – Встреча с великой княгиней. – Восторг, возбужденный ею в Дашковой. – Веер. – Свадьба. – Жизнь у родни мужа. – Случай из этого времени. – Возвращение в Петербург

Среди интересных персонажей прошлого века, между блестящими сподвижниками Екатерины II, способствовавшими ее воцарению и прославившими ее правление громкими подвигами, совершенно особенное место принадлежит Екатерине Романовне Дашковой. В лице знаменитой княгини женщина выступает в активной роли на политической арене и в течение долгого времени является руководительницей науки на родине. И то, и другое не могут не представляться исключительным явлением по отношению к тогдашнему полуневежественному обществу, где не только женщины, но и мужчины были обделены образованием и где общественная деятельность предоставлялась лишь незначительному кружку лиц. Внимание наблюдателя невольно останавливается на этой молодой, обладавшей огромным по тому времени образованием женщине, маленькой и довольно невзрачной по виду, но способной своими умственными качествами и изумительной энергией заткнуть за пояс многих окружавших ее блестящих, раззолоченных и видных царедворцев.

Судьба княгини Дашковой замечательна во многих отношениях: на ее долю выпали блестящие успехи в молодости и горькие испытания в старости. Она играла видную роль в первоначальной истории Екатерины II и испытала опалу и изгнание при ее преемнике. Исповедуя самые передовые идеи о воспитании, она должна была горько разочароваться от результатов применения своих принципов к собственным же детям, – и это дало ей немало тяжелых минут. Но она переносила несчастья со стойкостью, которая была преобладающей чертой ее характера, хотя глубокая потребность любви и привязанности жила в ее суровом сердце. Трогательная дружба княгини к мисс

Вильмот в последние годы жизни говорит об этой жажде симпатии, которой не могут заменить никакие – даже самые блестящие – внешние успехи.

Княгиня Дашкова по рождению принадлежала к самому высшему кругу общества. Она была дочерью графа Романа Илларионовича и племянницей великого канцлера Михаила Илларионовича Воронцовых. Ее братья Александр Романович (бывший канцлером при Александре I) и Семен Романович, наш посланник в Англии, – прославились как талантливые и стойкие государственные деятели. С ребяческих лет ее окружали блеск, роскошь и угодничество. И недюжинность натуры княгини Дашковой сказывается, может быть, уже в том обстоятельстве, что она не удовлетворилась только внешним блеском своего положения и сопряженным с ним шумными, но пустыми успехами в “свете”, чем вполне удовлетворялось большинство женщин ее круга, но нашла в своей душе силу лелеять более горделивые и серьезные планы.

О детстве Дашковой имеются очень скудные сведения: о нем мы знаем почти только то, что заключается в ее известных записках и в интересной автобиографии А. Р. Воронцова, помещенных в “Воронцовском архиве”.

Дашкова родилась 17 марта 1743 года. Крестным отцом ее был наследник престола (впоследствии Петр III), а восприемницей – императрица Елизавета. Как известно, положение фамилии Воронцовых при этой государыне было блестящим, чему способствовала как дружба с императрицей матери Дашковой, урожденной богачки Сурминой, снабжавшей когда-то деньгами нуждавшуюся в них опальную цесаревну, так и участие дяди Екатерины Романовны, Михаила Илларионовича Воронцова, в возведении на трон дочери Петра I. Уже одна только принадлежность к такому блистательному и влиятельному кругу предназначала Екатерине Романовне в будущем крупную роль на родине, насколько вообще подобная роль была доступна женщинам, по обычаям и развитию общества того времени. Но Дашкова не удовлетворилась рутиной и пробила новые пути для своей деятельности.

Дашковой было два года, когда умерла ее мать. Может быть, не особенно ошибется тот, кто станет объяснять известную жестокость Екатерины Романовны отсутствием в раннем детстве сердечных ласк матери, так смягчающих душу ребенка. И как ни велика была доброта ее тетки, жены великого канцлера Воронцова, – но она не могла заменить маленькой сироте живой и деятельной материнской любви.

У Михаила Илларионовича Воронцова была единственная

дочь одних лет с Екатериной Романовной, и дядя взял племянницу к себе для совместного ее воспитания с его собственным детищем. Вероятно, к этому поступку, кроме вышеуказанного обстоятельства, побудили доброго дядю и другие причины. Отец Дашковой, еще не старый человек, с большой охотой предавался светским удовольствиям. С ним жил только один сын – Александр, Семен находился в имении у деда, а дочери Мария и Елизавета были еще детьми взяты во дворец, и одна – десяти лет, а другая – одиннадцати сделались уже фрейлинами. Отец мало обращал внимания на воспитание детей, а у маленькой сироты не было подруги: с сестрами, находившимися у государыни, она редко виделась и встречалась часто только с братом Александром.

Как бы то ни было, Дашкова четырехлетним ребенком была взята дядей к его дочери (впоследствии графиня Строганова), и это событие несомненно имело большое влияние на будущность ребенка и благотворно отразилось на его образовании, хотя, надо сказать, сам великий канцлер впоследствии, вероятно, не раз задумывался над тем, что ему пришлось отогреть у себя “маленькую змею”...

Кузины жили в одних комнатах, имели одних и тех же учителей, одинаково одевались и вообще воспитывались при совершенно сходной обстановке. Однако это не сделало девочек похожими: как по характеру, так по стремлениям и умственным наклонностям они были совершенно различны.

Канцлер обширной Русской империи, интересовавшийся литературой и науками, известный друг и покровитель Ломоносова, Михаил Илларионович не мог не обратить внимания на образование своей дочери и взятой к ней племянницы. И он действительно не жалел денег на этот предмет. Дашкова знала прекрасно четыре языка, рисовала, была очень сведуща и в музыке: известно, например, что во время путешествия по Англии она писала музыкальные пьесы, имевшие большой успех при исполнении; в числе лиц, благодаривших ее за эти музыкальные труды, встречается и имя знаменитого Гаррика.

Вообще, по понятиям того времени, Екатерине Романовне было дано блестящее воспитание. Но, разумеется, если бы только этим ограничилось образование будущего президента Российской Академии, то название ее “образованнейшей” женщиной своего времени могло бы для многих звучать иронией. Действительно, княгиня, помимо “светской” науки, усваиваемой тогда и другими женщинами высшего круга, многое знала и развила блестяще свой ум; но этим она была обязана не какой-нибудь школе (такой в то время в России не было), а кипучей самодеятельности и той

жажде умственной пищи, которая развилась в ней под влиянием благоприятных обстоятельств и возбуждению которой, конечно, немало способствовала жизнь у благоволившего к просвещению мягкого и доброго дяди.

В ранних воспоминаниях княгини Дашковой мелькает, окруженный лучезарным сиянием, образ благоволившей к Воронцовым императрицы Елизаветы. Государыня часто приезжала к канцлеру запросто и оставалась у него обедать или ужинать. Она ласкала свою маленькую крестницу, брала ее к себе на колени и кормила, а затем, когда та подросла, обыкновенно сажала ее рядом с собой. Девочка бывала и во дворце на вечерах, устраиваемых для детей высших сановников, причем сама Елизавета от души веселилась и принимала участие в забавах и играх молодежи. Доброта этой государыни и ее ласковость в обращении были полным контрастом сурового обхождения Анны Иоанновны, не церемонившейся даже с крупными по рангу лицами.

Казалось бы, что при наличности тех условий, которые окружали в детстве Дашкову в великолепном доме дяди, при ласковом отношении к ней родни и императрицы, из нее должна была выработаться натура жизнерадостная, довольная окружающим, не предъявляющая к нему особых запросов и в вихре светских удовольствий не задумывающаяся глубоко над вопросами высшего порядка. Многие сверстницы будущей княгини так и оставались всю жизнь “беззаботными мотыльками”, порхавшими среди блеска и роскоши, – исключения не составила даже воспитывавшаяся одинаково с нею кузина, дочь канцлера. Но самая младшая Воронцова пошла по другой дороге. Разумеется, были обстоятельства, которые обусловили такой исход.

С детства в натуре Дашковой, как она сама говорит в записках, было “много гордости, смешанной непонятным образом с необыкновенной нежностью и чувствительностью, которые внушали пламенное желание быть любимой всеми окружающими людьми”. Но эта гордость и нежная чувствительность все-таки должны были, как следует думать, получать порой уколы в доме дяди, где Екатерина Романовна являлась только племянницей, но не дочерью. Была и еще причина, которая, при чуткости Дашковой и ее раннем умственном развитии, могла вызывать большие огорчения: Екатерина Романовна не могла похвалиться своей фигурой и наружностью. Вот как описывает ее Дидро: “Княгиня Дашкова вовсе не хороша; она мала ростом; лоб у нее большой и высокий; щеки толстые и вздутые; глаза ни большие, ни малые, несколько углубленные в орбитах; нос приплюснутый;

рот большой; губы толстые; зубы испорчены. Талии вовсе нет; в ней нет никакой грации, никакого благородства, но много приветливости...” Портрет, как видим, далеко не напоминающий Венеры Милосской!

Придворная молодежь, конечно, не всегда могла ценить умственные достоинства подраставшей девочки, а красотой она не привлекала взоров; успехи Дашковой в свете были сомнительны и меркли перед успехами ее сверстниц-красавиц. А это для пылкой и гордой девушки, почувствовавшей рано свое умственное превосходство над толпой, могло быть очень оскорбительным и невольно направляло ее энергию в иную сферу, чтобы добиться успехов и заставить окружающих признать ее силы.

Так подрастала маленькая, невзрачная девочка в доме могущественного дяди. Кругом нее кипела жизнь, полная блеска и громких успехов, но в этой жизни на ее долю выпадало не особенно много шансов, – и она успела создать себе еще в детстве свой особенный, умственный мир грез и мечтаний: она с жаром набрасывается на книги и перечитывает библиотеки дяди и его знакомых.

В то время, когда будущей княгине Дашковой исполнилось 12 – 13 лет, случилось одно маловажное обстоятельство, которое, однако, по ее словам, имело значительные последствия: Екатерина Романовна заболела корью; а так как ввиду предохранения великого князя Павла от заразы запрещены были всякие сношения двора с семействами, где появились заразные болезни, то Дашкову удалили в деревню, за 17 верст от Петербурга.

Очутившись в одиночестве, на попечении несимпатичных ей людей, и часто испытывая прилив безотрадных чувств, девушка стала серьезнее и задумчивее. Ее состояние было еще печальнее оттого, что за первые недели этого изгнания она по болезни не могла отдаться любимым книгам. Но зато на свободе девочка имела время о многом подумать, и, едва получив возможность читать, она уже не расстается с книгами: последние являются для нее верными друзьями и утешителями. “Я начинала сознавать, – говорит княгиня в записках, – что проведенное в одиночестве время не всегда бывает самым тягостным; что та самая чувствительность, которая до сих пор заставляла меня искать одобрения других, теперь побудила меня сосредоточиться в себе самой и развить те умственные средства, которые только и могут поставить человека выше обстоятельств”.

Что же читала княгиня и что ее интересовало в литературе? К чести ее, это не были произведения французской, порой довольно

разнузданной, литературы, – то до приторности сентиментальные, то пошло-скабрезные, – жидкие книжонки, которыми пробавлялись тогдашние читатели из высшего общества и которые сладострастно смаковали старички: княгиня любила более солидную умственную пищу. В этом отношении она была контрастом, между прочим, и своей сестры Елизаветы, список книг которой, взятых из академической библиотеки, весь состоял из подбора скабрезностей. Любимыми писателями Екатерины Романовны, наоборот, были: Бэйль, Монтескье, Гельвеции, Вольтер, Буало... Она их серьезно читала и понимала. Содержавшиеся в этих книгах философские созерцания, едкая насмешка над современными общественными формами, жажда высших идеалов – все это манило живой ум читательницы и эмансипировало ее от многих рутинных взглядов и привычек. Чтение названных писателей невольно направляло ее ум в сферу общественных и политических вопросов; оно заронило в нее, сначала, может быть, в неопределенной форме, семена тех желаний, которые потом так ясно выразились в деятельности молодой женщины. С другой стороны, эта же начитанность и страстная вдумчивость в явления жизни обратили вскоре на Дашкову внимание великой княгини – будущей императрицы Екатерины II, отличавшейся чутким знанием людей, и подготовили их первоначальную дружбу, имевшую такие исторически важные последствия.

Немало было и других причин, поддерживавших в молодой девушке страсть к литературе и к области общественных вопросов. Она часто виделась с братом Александром Романовичем, образованнейшим человеком своего времени, интересовавшимся наукой и литературой. С этим братом Дашкова сохранила хорошие отношения до конца жизни; между тем нельзя сказать того же про ее отношения к остальным членам семьи Воронцовых, так как Екатерина Романовна, ставшая страстной партизанкой[1] будущей императрицы, являлась антагонисткой своих родственников, заинтересованных в сохранении прежнего режима. Но со старшим своим братом, дружбу которого, при вражде других, следовало тем более ценить, она часто встречалась и беседовала. А когда он уехал в Париж, сестра завела с ним правильную переписку, сообщая о всех важных случаях в политике, при дворе и у знакомых. Это, с одной стороны, поддерживало в ней интерес к событиям и лучше их закрепляло в памяти, а с другой – вырабатывало способность критического отношения к ним. Большая переписка с братом помогала, конечно, и выработке “стиля” Дашковой, – той способности ясно и сжато выражать свои мысли и метко

характеризовать несколькими сильными штрихами предмет изложения, которой отличаются ее известные записки.

Атмосфера дома канцлера, где жила Дашкова, была, если можно так выразиться, пропитана политикой, что, в свою очередь, поддерживало в девушке интерес к этой области общественных явлений. По рассказу самой княгини, она мучила своим ненасытным любопытством всех посланников, художников и литераторов, бывавших в доме дяди. Она расспрашивала их о чужих странах, формах правления и законах, и тогда уже зародилось в ней пламенное желание путешествовать.

Иван Шувалов, слывший меценатом, снабжал Дашкову всеми литературными новинками. К своему замужеству она сумела на карманные деньги составить себе библиотеку в 900 томов, в числе которых была и знаменитая “Энциклопедия”. Княгиня радовалась более, нежели чему-нибудь другому, приобретению новой и интересной книги.

Так Екатерине Воронцовой пошел 16-й год. Ее старшая сестра и кузина еще в 1757 году вышли замуж, а вскоре и она сама стала невестой. По рассказу княгини, встреча ее с Дашковым произошла у знакомой Самариной и была обставлена довольно романтическими подробностями. Княгиня, впрочем, не сообщает многого о сближении со своим будущим мужем и ссылается на провидение, устроившее ко взаимному благу эту встречу.

Летом 1758 года дядя и тетка Дашковой находились в Царском Селе у императрицы, а девушка одна оставалась в Петербурге, – отчасти по нездоровью, а больше по любви к уединению и чтению. Она почти не выезжала в свет и бывала только в двух близко знакомых семействах: княгини Голицыной и Самариной. Раз она засиделась у последней до позднего часа; хотя за ней и приехала карета, но так как был чудный летний вечер, то сестра хозяйки предложила гостье проводить ее пешком до угла улицы. Едва дамы прошли несколько шагов, как перед ними появилась высокая фигура какого-то гвардейского офицера, при лунном свете представившаяся воображению девушки чем-то колоссальным. Она вздрогнула и спросила спутницу, кто этот офицер. И тут впервые она услышала фамилию князя Дашкова. Он оказался знакомым Самариных. Завязался общий разговор, во время которого молодой человек расположил к себе девушку; со своей стороны, и она ему понравилась.

Так рассказывает Дашкова о первом знакомстве со своим будущим мужем, послужившим началом их сближения. Но в тогдашнем обществе ходила и другая версия истории этого брака. Если она и не совсем правдива, то, во всяком случае, интересна в том отношении, что характеризует взгляд на энергию Дашковой и

способность “постоять за себя”, сложившийся о княгине в ее кругу. По рассказу Рюльера, князь Дашков, красивый придворный кавалер, однажды стал слишком свободно говорить любезности девице Воронцовой; она позвала дядю и сказала ему:

– Дядюшка, князь Дашков делает мне честь просить моей руки!

Князь не смел признаться первому сановнику империи, что слова его не заключали в себе именно такого смысла, и женился на племяннице канцлера.

Как бы то ни было, но этот брак состоялся в феврале 1759 года. Князь Дашков, красивый и “добрый” малый, не представлял своей особой ничего чрезвычайного, и в умственном и нравственном отношениях жена подавляла его своим авторитетом. В устройстве этой свадьбы принимала близкое участие и сама императрица Елизавета, вообще очень любившая подобные зрелища. В один из вечеров государыня заехала к канцлеру из оперы ужинать. Отозвав влюбленных в другую комнату, она сообщила им, что знает их тайну и будет способствовать их счастью. Заметив волнение крестницы, императрица ласково потрепала ее по плечу и, поцеловав в щеку, сказала:

– Успокойся, мое милое дитя, иначе все друзья твои подумают, что я побранила тебя!

“Я никогда, – говорит Дашкова, – не забуду этой сцены, которая навсегда привязала меня к этой милостивой и доброй государыне”.

В ту же зиму, до свадьбы, произошла встреча Дашковой с будущей императрицей Екатериной II, положившая начало их дружбе, – правда, впоследствии далеко не прочной и изобиловавшей многочисленными недоразумениями.

В доме канцлера провели целый вечер и ужинали великий князь (впоследствии император Петр III) с супругой. Будущая императрица уже слышала о младшей Воронцовой как о женщине, почти все свое время посвящавшей чтению и вообще достойной всяких похвал. “Я могу утвердительно сказать, – читаем мы в записках Дашковой, – что в то время, о котором я говорю, за исключением великой княгини и меня, во всей империи не было двух женщин, которые хоть сколько-нибудь занимались бы серьезным чтением”. Это обстоятельство, конечно, послужило причиной взаимного сближения. А так как Екатерина II положительно могла очаровать своим умом и прелестью манер того, кому желала нравиться, то можно себе вообразить, какое впечатление произвела она на пятнадцатилетнюю энтузиастку, какой была тогда Екатерина Воронцова. Помимо серьезности и

ума молодой девушки, Екатерину II должен был невольно подкупить тот сердечный восторг и горячий энтузиазм, с которым к ней относилась ее молоденькая поклонница, знавшая, конечно, историю высокой гостьи, наполненную уже многими огорчениями и обидами.

В тот же вечер великая княгиня почти исключительно говорила с Дашковой и очаровала ее. “Возвышенность чувств и образованность, – читаем мы в записках княгини про Екатерину II, – по-видимому, показывали в ней существо, поставленное природой выше всех других и превосходившее все прежние понятия мои о совершенстве”.

Прибавим интересную подробность об этом роковом вечере, произведшем неотразимое впечатление на Дашкову. Знаменитая гостья, уезжая домой, уронила свой веер, а Дашкова подняла его. Великая княгиня поцеловала девушку и попросила оставить веер на память об их первой встрече, выразив надежду, что это свидание послужит началом их дружбы, – что и случилось на самом деле. Вскоре уже эти две знаменитые женщины вступили в переписку, в которой дебатировались очень серьезные и интересные вопросы; и недалеко уже было то время, когда молоденькая поклонница “Семирамиды Севера” оказалась очень полезной для последней.

В скором времени после свадьбы Дашкова с мужем отправилась в Москву. Кажется, члены семьи князя, – довольно простые, но очень зажиточные люди, – не особенно сочувствовали этому браку. И тут уже молоденькая новобрачная должна была показать впервые свое умение “жить с людьми”, хотя эта наука ей впоследствии совершенно не давалась: из всех недостатков, которыми обладал знаменитый директор Академии наук, неуживчивость и неприятная резкость характера были такими явными, что невольно всем бросались в глаза и единодушно осуждались. Но пока еще, если судить по запискам Дашковой, она обладала способностью примирять и сглаживать возникавшие противоречия. Немало ей, вероятно, пришлось испытать неудобств, – ей, читавшей Гельвеция, Вольтера и Монтескье и говорившей плохо по-русски, – со свекровью, простой патриархальной женщиной, не знавшей ни одного языка, кроме русского. Но молоденькая невестка и тут уже успела проявить присущую ей энергию: она прилежно занялась изучением родного языка, и ее русская речь хотя и не блещет особенной стилистической красотой, но вскоре становится вполне приличной.

Через год после свадьбы у княгини родилась дочь, доставившая ей впоследствии немало огорчений. Жизнь

Дашковых в Москве и родовых имениях шла скромно. Княгиня, конечно, не бросала в деревенском уединении любимых книг и музыки. За это время мы должны отметить лишь один интересный эпизод, указывающий на решительный характер княгини и на ее способность к весьма решительным действиям.

В январе 1761 года муж Дашковой должен был отправиться в Петербург, а она, больная, осталась дома, в Москве, ожидая появления на свет другого ребенка. Князь Дашков, заболевший в Петербурге, не хотел, однако, медлить и совершенно больной приехал обратно в Москву. Но, не желая пугать домашних, он остановился у тетки (Новосильцевой), чтобы, оправившись хотя немного от болезни, приехать в родной дом. Однако эту тайну выболтала больной Дашковой ее горничная и повергла княгиню в ужасное состояние. Дашкова чувствовала уже приближение родов, но, опасаясь за мужа, она подавила свои страдания и умоляла уйти свекровь и тетку, дежуривших при ней, из комнаты, уверяя, что ей еще не скоро понадобится помощь. Но, едва те ушли, она упросила акушерку проводить ее к князю. Цепляясь за перила, подавляя мучительные приступы боли, она прошла две улицы, и ни мольбы, ни слезы испуганной провожатой не могли вернуть княгиню назад. Взглянув на больного мужа, Дашкова упала без чувств. Ее положили на носилки и отнесли назад в дом свекрови. Через час она родила сына Михаила.

Из рассказанного факта можно судить о решительности молодой женщины, и мы не должны особенно изумляться, увидев ее в скором времени одним из коноводов в рискованном и смелом деле, благополучно, однако, завершившемся.

Более двух лет отсутствовала Дашкова в любимом Петербурге, и с большой радостью приветствовала она родной город 28 июня 1761 года, “в тот самый день, который, – по замечанию ее записок, – спустя 12 месяцев, сделался столь славным для отечества”.

Благодаря этому дню княгиня Дашкова попала в историю, получила орден Екатерины и стала президентом Российской Академии. Ее романтические мечтания о громких подвигах, о славе на родине и за ее пределами должны были вскоре осуществиться.

Глава II. На политической арене

Знакомство с событиями при дворе. – Близость к "молодому" двору. – Неудобства наследника Елизаветы. – Поездки в Ораниенбаум. – Переписка с великой княгиней. – Стихи Дашковой в честь Екатерины II. – Дружба. – Возбуждение в переписке общественных вопросов. – Уверения в "любви и преданности". – Близость кончины императрицы. – Знаменитый разговор с Петром III. – Роковое свидание с Екатериной II. – Решимость Дашковой помогать другу. – Кончина императрицы Елизаветы. – Сцена во дворце за игрой в карты. – Выговор князю Дашкову от императора. – Причины, обусловившие решимость Дашковой. – Пример дяди. – Зависть к сестре. – Трагическая черта в судьбе княгини. – 28 июня 1762 года. – "Величайшее счастье" Дашковой. – Свидание с родными. – Сентенции великого канцлера

В предыдущей главе мы уже видели, при каких условиях воспитывалась Дашкова. Следует еще указать и на то, что она с 12 – 13 лет вышла из-под надзора гувернантки, свободно располагала собой, занималась только тем, что ей нравилось, и мало-помалу привыкала руководствоваться лишь своими желаниями, не подчиняясь ничему другому. Это несомненно могло способствовать ранней выработке той самостоятельности характера и той чрезвычайной оригинальности в привычках, которыми отличалась впоследствии княгиня Дашкова.

Мы уже знаем, как дом канцлера, где провела девические годы Екатерина Романовна, был близок ко двору, к особе государыни и ее родственникам, и какие впечатления с самого раннего детства западали в чуткую душу будущего президента Академии. Чтение серьезных книг, трактовавших о жгучих общественных вопросах; атмосфера политики, в которой с юных лет приходилось вращаться; гордые мечты о каком-нибудь крупном деле, где бы можно было прославиться; раннее осознание своих умственных сил, – все это должно было подготовить в душе Дашковой благодарную почву для восприятия соответственных идей. И для этого вскоре по приезде Екатерины Романовны из Москвы в Петербург наступили благоприятные обстоятельства.

Восторженное воспоминание о великой княгине жило в памяти ее молоденькой поклонницы с самой первой их встречи. И эти чары вспыхнули с новой силой в душе Дашковой, как только она увидела будущую императрицу и как только вникла в суть событий, происходивших тогда в высших сферах. Это она могла

легко сделать, как по близости к канцлеру, так и потому, что вместе с мужем, служившим в Преображенском полку, которым командовал будущий император Петр III, жила на даче близ Ораниенбаума и сделалась близким членом того общества, которое составляло “молодой двор”. Встречаясь очень часто с великим князем и его супругой, она сумела, при своей наблюдательности, скоро оценить их обоих и понять, что очаровавшей ее великой княгине будущее могло грозить тяжелыми сценами. И в романтической, горячей голове молоденькой, жаждавшей подвигов, Дашковой намечается уже интересное предприятие: она должна помочь обожаемой ею высокой подруге избавиться от грозивших осложнений…

Между тем события вскоре уже начали принимать такой оборот, что приходилось серьезно задумываться. Кончина императрицы Елизаветы приближалась, и только самые недальновидные не могли видеть, какими неудобствами грозили русскому обществу свойства наследника государыни, не скрывавшего своей любви ко всему прусскому и голштинскому, смеявшегося над русскими обычаями, мечтавшего о введении любимых им, но чуждых русской жизни порядков и находившегося в размолвке со своей женой. Это, конечно, для многих не составляло тайны, а для Дашковой, при ее близости ко двору, представлялось гораздо яснее, чем другим. При этих условиях, конечно, и великая княгиня должна была дорожить горячим сочувствием к ней умной и энергичной Екатерины Романовны и, может быть, втайне лелеять мысль об утилизации этой энергии для своих целей.

Великая княгиня раз в неделю ездила в Петергоф, где жила императрица Елизавета летом и где находился, под личным ее надзором, Павел Петрович. Обыкновенно после таких визитов будущая императрица заезжала к Дашковой и увозила ее к себе в Ораниенбаум. При таких частых свиданиях эти две женщины все более и более узнавали друг друга и привыкали взаимно. Они настолько сблизились, что в случае нездоровья или других обстоятельств, препятствовавших личным свиданиям, великая княгиня переписывалась со своим другом. Эти письма, приложенные к лондонскому изданию записок Дашковой, являются памятником отношений двух знаменитых женщин и их первоначальной дружбы (может быть, и не особенно искренней со стороны Екатерины II) и указывают на те интересы, которые их занимали.

Сначала предметом письменных сношений служит литература. Корреспонденты снабжают друг друга книгами, меняются заметками и собственными сочинениями. В

“Собеседнике любителей российского слова”, издававшемся впоследствии Дашковой при Академии наук, помещено следующее восторженное четверостишие Екатерины Романовны, относящееся ко времени, о котором мы рассказываем, и посвященное будущей императрице:

“Природа, в свет тебя стараясь произвесть,
Дары свои на тя едину истощила,
Чтобы на верх тебя величия возвесть;
И, награждая всем, она нас наградила!”

Великая княгиня отвечала на эту любезность восторженными строками: “Какие стихи, какая проза! И это – в семнадцать лет! Я прошу, – нет, я умоляю вас не пренебрегать таким редким талантом... Обвиняйте меня в тщеславии, в чем угодно (так как стихи восхваляли ее особу), но я должна сознаться, что не знаю, приходилось ли мне когда-нибудь читать такое правильное поэтическое четверостишие. Не менее ценю его как доказательство вашей любви, благодарю вас сердцем и душой, только заклинаю любить меня... Я с наслаждением ожидаю тот день на будущей неделе, который вы обещали провести вместе со мной, и надеюсь, что это удовольствие будет теперь продолжаться чаще...” Затем в последующих сношениях содержание переписки становится более глубоким, и в ней уже возбуждаются политические и общественные вопросы. Будущая императрица посылает своей приятельнице для чтения собственную рукопись под заглавием “Спор между духовенством и парламентом”. “Пожалуйста, – пишет она при этом, – не показывайте ее никому и возвратите мне как можно скорее. То же самое обещаю сделать с вашей книгой и рукописью, сейчас полученными. Надеюсь, что вы посетите меня на будущей неделе... Смею лично уверить вас в моем уважении и преданности и, как всегда, со всем удовольствием подписываюсь: ваш верный друг Екатерина”.

И в других письмах будущей императрицы звучат эти, с большим достоинством выраженные уверения в дружбе и любви. Несомненно, что в ответ на них получалось самое восторженное изъявление преданности со стороны Дашковой и желание пожертвовать всем ради своей возвышенной дружбы.

Между тем события шли своим чередом, и дни больной Елизаветы были сочтены. Приходилось не на шутку беспокоиться всем тем, кто принимал в соображение интересы родины и замечал неудобные свойства будущего повелителя. Горькое раздумье посещало и тех, чья судьба была связана с благоволением умиравшей императрицы и к кому

неблагосклонно относился ее наследник. Не могла не задумываться и супруга последнего.

Приходилось задумываться и Дашковой. Великий князь, сначала благоволивший к ней, как и к остальным Воронцовым, – при первом же свидании с ней изъявил желание видеть ее у себя каждый день. Однако ему пришлось вскоре с неудовольствием заметить, что Дашкова дорожит обществом его супруги более, чем общением с ним. Великий князь, отличавшийся, в сущности, большой добротой и откровенностью, раз даже сказал Дашковой:

– Дитя мое! Вам бы очень не мешало вспомнить, что гораздо лучше иметь дело с честными простаками, каковы я и ваша сестра, чем с великими умниками, которые выжмут сок из апельсина, а корку выбросят вон!

Но, разумеется, княгиня не обращала внимания на подобные предостережения, которые впоследствии до известной степени оправдались на ее собственной судьбе.

При резкости и пылкости своего характера княгиня не стеснялась вступать и в опасные пререкания с великим князем. Как-то раз на большом обеде, данном им во дворце, разговор зашел при великой княгине о гвардейце Челищеве, которого подозревали в ухаживаниях за графиней Гендриковой, племянницей императрицы. Возбужденный вином, князь клялся, что велит отрубить голову Челищеву для примера другим за то, что тот осмелился влюбиться в родственницу своей государыни. Дашкова не могла воздержаться от возражения, что подобная мера кажется ей слишком жестокой.

– Вы просто дитя, – сказал ей в ответ на это великий князь, – ваши слова доказывают это; иначе вам было бы известно, что воздерживаться от смертной казни значит поощрять неповиновение и беспорядки всякого рода.

– Но, – возразила Дашкова снова, между тем как все молчали, с любопытством и удивлением поглядывая на смелую собеседницу, – вы говорите о таком предмете и в таком тоне, что подобный разговор может крайне встревожить настоящее собрание... Почти все здесь присутствующие жили в такое царствование, когда о подобном наказании не было и помину...

– Это ничего не значит, – запальчиво продолжал собеседник Дашковой, – или, лучше сказать, в этом-то и состоит причина нынешнего отсутствия дисциплины... Но, верьте моему слову, вы не больше как дитя, и ничего не понимаете в этом деле!

– Я охотно признаюсь, – отпарировала Дашкова, – что совершенно не в состоянии понять доводов вашего высочества, но я очень помню одно, что ваша августейшая тетка еще живет и царствует!

Поздней осенью 1761 года было объявлено, что императрице Елизавете остается жить несколько дней... Приближалась новая эра – и это влило свежие силы в Дашкову. Хотя она была больна и не вставала с постели, но, со свойственной ей решимостью поднялась, закуталась в шубу и поехала во дворец на Мойке, где жила императрица и другие члены царской фамилии. При этом роковом свидании произошел знаменательный разговор Дашковой с великой княгиней. Последняя была уже в постели; она знала, что Дашкова больна, и, предчувствуя, что приход больной – неспроста, немедленно приняла своего друга.

– Дорогая княгиня, – сказала хозяйка, – прежде, чем вы расскажете, что привело вас сюда в такой необыкновенный час, постарайтесь согреться... Вы, право, слишком пренебрегаете вашим здоровьем, которое так дорого князю Дашкову и мне...

Больной гостье, уложенной в постель, она хорошо укутала ноги.

– В настоящем положении, – сказала Дашкова, – когда императрице осталось жить только несколько дней, может быть, даже несколько часов, я не в состоянии более выносить мысли о неизвестности, в которую будет ввергнуто ваше благополучие приближающимся событием... Неужели невозможно принять какие-нибудь меры против угрожающей опасности и разогнать тучи, которые разразятся над вашей головой? Ради Бога, доверьтесь мне, я достойна этого и еще более докажу, что вы можете на меня положиться. Составили ли вы какой-нибудь план? Приняли вы какие-нибудь предосторожности для ограждения своей безопасности? Удостойте дать мне приказания и располагать мною...

Великая княгиня, прижав руку Дашковой к сердцу и обливаясь слезами, сказала:

– Благодарю вас, дорогая княгиня, благодарю так, что и выразить не в состоянии, и с полной откровенностью и правдой объявляю вам, что я не составляла никакого плана, что я не могу предпринять ничего, и думаю, что мне остается только мужественно встретить все, что бы ни случилось...

– В таком случае, – заявила энергичная Дашкова, – друзья должны действовать за вас... Что же касается меня, то я имею довольно сил, чтобы одушевить их всех... И на какую жертву я была бы для вас не способна!

При расставании друзья крепко обнялись, и княгиня Дашкова, исполненная решимости немедленно действовать, поспешила вернуться домой.

Во всяком случае, если и было прежде некоторое недоверие к 18-летней женщине и великая княгиня боялась ей сообщить свои

задушевные мысли и желания, то энергичность, горячая преданность и решительность Дашковой наконец оказались в состоянии победить предубеждения против нее, и таким-то образом она, почти девочкой по летам, очутилась в числе несомненных участников широкого и смелого шага.

25 декабря 1761 года, в самый день Рождества, скончалась императрица Елизавета… Надежды многих унесла она с собой в могилу и многим развязывала руки… Фамилия Воронцовых с новым воцарением приобретала еще большее значение, нежели при покойной государыне; но великой княгине и ее преданному другу Дашковой новый порядок вещей не улыбался. Первой, как известно, приходилось получать не раз и публичные оскорбления от своего супруга. Екатерина Романовна, однако, и перед новым властелином не робела; природная черта ее характера – резкость – порой проявлялась и при очень неподходящей обстановке.

Раз, например, Екатерина Романовна, находясь во дворце, села играть с государем в карты, в его любимую игру. Проиграв партию, Дашкова забастовала, так как игра была крупная и проигрыш для нее очень чувствителен. Петр III настаивал на продолжении игры; Дашкова упорно отказывалась и наконец после нескольких резких, несдержанных слов, поспешила уйти.

– Это бес, а не женщина! – восклицали ей вслед присутствующие.

Вскоре подошло и еще событие, которое, так сказать, переполнило чашу. В январе 1762 года происходил обычный развод гвардии. Вдруг император заметил, что рота князя Дашкова ошиблась в маневре; Петр III сделал жестокий выговор молодому человеку; тот сначала в почтительных выражениях оправдывался, потом не выдержал и стал говорить резко. Этот эпизод очень напугал княгиню и ее родных: думали, что он не пройдет даром Дашкову, так как у последнего были враги среди лиц, окружавших Петра III. Единственным удобным средством являлось удаление князя на время из Петербурга. Для этого нашли благовидный предлог. Канцлер Воронцов, по просьбе племянницы, дал ее мужу поручение в Константинополь с официальным извещением о восшествии на престол нового императора.

Императрица утешала тосковавшую в разлуке с мужем княгиню. “Письма ваши так грустно настроены, – пишет она в одной из своих записок Дашковой, – что я советовала бы вам менее сокрушаться об отъезде нашего посланника и верить тому, что он возвратится к нам цел и невредим; по крайней мере, я желаю этого для нашего общего утешения”…

Между тем работа в пользу Екатерины кипела энергично, и во

всяком случае Дашкова была одной из самых горячих работниц. Что действительно приверженцы будущей “Семирамиды Севера” работали с успехом, – это доказывается очень быстрым осуществлением их желаний....

Петр III ничего не хотел видеть и слышать. Этот добрый государь; воротивший толпы ссыльных прежних царствований, уничтоживший ненавистное “слово и дело”, давший “права вольности” дворянству, вел себя, однако, во многих отношениях нетактично и давал немало поводов для желаний об изменении наступившего порядка вещей...

Итак, мы видим, что молоденькая княгиня лелеяла очень рискованные и смелые планы и шла с энергией и настойчивостью к их исполнению. Это не может нам не представляться изумительным по отношению к особе, едва только вышедшей из отроческих лет. Но для того, чтобы осветить эту решимость Дашковой со всех сторон, мы должны указать на два чрезвычайно характерных обстоятельства как вообще по отношению к тому времени, так и, в частности, к самой Екатерине Романовне.

Гордая, сознававшая свои силы и умственное превосходство Дашкова не могла не завидовать своей простушке сестре Елизавете, не обладавшей никакими особенными дарованиями, но которой судьба готовила высокую, блестящую будущность. Уже один этот жестокий червь зависти должен был заставить Дашкову стать в лагерь великой княгини, так как, во всяком случае, в другом лагере ей была суждена далеко не первая роль. Как, “толстушка” Елизавета, не обладавшая ни красотой, ни особенным умом, ни энергией, должна была получить высокий удел избранницы? Она уже украсилась орденом Екатерины, – отличием принцесс крови, – а у Дашковой ничего этого не было! Гордая и достаточно тщеславная княгиня не могла переносить такого унижения равнодушно. И не особенно ошибется тот, кто в зависти к счастливой сестре будет видеть могущественный, более, чем многие другие, рычаг того, что Екатерина Романовна стала страстным партизаном императрицы.

Уже в эти юные годы выступает в судьбе Дашковой трагическая черта: она становится жестоким врагом своей счастливой сестры и всей родни, благосостояние которой связывалось с прежним порядком вещей, против которого выступала противником энергичная Екатерина Романовна. И за это ей, конечно, пришлось поплатиться: вся родня невзлюбила ее, а отец несколько лет не хотел даже видеться с нею.

Мы не будем долго останавливаться на описании знаменитого события 28 июня 1762 года. Оно подробно описано и известно почти во всех своих деталях. Мы отметим только

некоторые подробности, имеющие отношение к героине этого очерка.

Когда был арестован Пассек и Екатерина Романовна (как она рассказывает в своих записках) отправила Алексея Орлова в Петергоф к императрице, где всегда, по предусмотрительности Дашковой, стояла наготове коляска, – юная заговорщица провела мучительную и страшную ночь, каких, по всей вероятности, ей не приходилось переживать впоследствии. Ей то грезились восторги ликующего народа, встречающего обожаемую государыню, сияющую и лучезарную, – и она, Дашкова, принимает сама участие в славе этого подвига; то, наоборот, чудились самые страшные картины: расплата за смелый шаг... Страшная ночь наконец прошла, и утро 28 июня 1762 года возвестило о новой, ставшей столь знаменитой, императрице... Дашкова в это утро не была при встрече государыни в гвардейских казармах. Но, надев парадное платье, она прямо поехала в Зимний дворец. Здание было окружено громадной толпой и солдатами. Княгиня не могла протиснуться сквозь массы народа, но ее скоро узнали, тотчас же подняли на руки и пронесли над толпой, которая осыпала ее приветствиями и благословениями. Княгиня в измятом и порванном платье, с испорченной прической предстала перед своей обожаемой приятельницей. Они мгновенно очутились в объятиях друг друга. “Слава Богу, слава Богу!” – только и могли произнести они в первую минуту...

“В это мгновение я испытала такое счастье, какое едва ли приходилось испытать кому-либо из смертных!” – рассказывает княгиня в своих записках об этих минутах встречи со счастливой государыней. Хотя эти записки, откуда приходится брать подробности многих похождений Екатерины Романовны, выставляют обыкновенно автора в слишком хорошем свете и ими нужно пользоваться с известной осторожностью, но рассказ о чудных минутах встречи друзей после пережитых мучительных ожиданий и тоски, представляется вполне правдивым. Однако эти часы высокого счастья были непродолжительны, и вскоре уже отношения недавних приятельниц приняли далеко не такой дружественный оттенок... Не обошлось во время этих важных и трогательных событий без некоторых оригинальных эпизодов. Дашкова облеклась в военный мундир и рядом с Екатериной, во главе гвардейских полков, выступила в Петергоф. Им по дороге пришлось отдыхать в “Красном кабачке”, и Дашкова вместе с императрицей расположились в грязном трактире на одной постели, воспользовавшись при этом шинелью полковника Карра. Забыты были все тревоги и опасения, бессонные ночи и усталость!

Эти дни были полны для Дашковой кипучих забот: она всюду

поспевала, распоряжалась и, возможно, что уже тогда сумела проявить ту самостоятельность характера, которая могла охладить к ней императрицу даже в первые “медовые” часы их торжества.

Вступление государыни из Петергофа в столицу было необыкновенно торжественно. Музыка, колокольный звон, клики ликующего народа – все это представляло оживленную картину. В глубине храмов виднелись группы священнослужителей, совершавших торжественные молебны... Это были лучшие часы в жизни Дашковой... Она гарцевала на коне рядом с обожаемой императрицей; она имела, конечно, основания считать себя одним из главных виновников торжества и, вероятно, относила к своей особе часть гремевших кругом приветственных кликов... По словам ее записок, она готова была плакать от умиления, “участвуя в благословениях перевороту, не запятнанному ни одной каплей крови”...

Но если Дашкова ликовала, то близкие ей люди испытывали совсем другое настроение в эти минуты общего торжества. И Екатерина Романовна у подъезда летнего дворца рассталась ненадолго с императрицей, чтобы поспешить к своим родным.

Известно, с каким тактом и добротой поступила Екатерина II со своими недоброжелателями из семьи Воронцовых: они нисколько не пострадали. Мало того, государыня впоследствии даже у самой Елизаветы Воронцовой (в замужестве Полянской) крестила дочь и затем взяла ее во фрейлины.

Дашкова нашла великого канцлера спокойным. Он, как известно, вел себя безукоризненно в этой истории, и, хотя его влияние пало, но ни совесть, ни люди не могли упрекнуть сановника за неблагородное поведение в щекотливые дни замены одного режима другим. Екатерина Романовна при свидании с дядей услышала от него благородные и горькие слова, оправдавшиеся потом и на его племяннице. Он говорил ей об опасности доверяться дружбе “великих мира”. “Она так же непродолжительна, как и ненадежна!” – сказал канцлер, вынесший эту истину из своего собственного опыта.

Роман Илларионович, у которого была и дочь Елизавета, находился под почетным арестом: в доме его под благовидным предлогом охраны хозяина поместили много солдат. Отец Дашковой вовсе не был склонен благословлять наступившие события, и весьма сомнительно, чтобы его встреча с напроказившей младшей дочерью была так для нее благоприятна, как рассказывает о том Екатерина Романовна. Она обнадежила в милостях государыни заливавшуюся горькими слезами сестру Елизавету и поспешила во дворец.

Маленькое облачко уже пролетело между недавними друзьями по поводу распоряжений Дашковой в доме отца, и Екатерина встретила княгиню не совсем милостиво; однако сцена закончилась торжественным возложением на молоденькую героиню красной Екатерининской ленты, прежде бывшей на самой императрице. И хотя Дашкова в своих записках хочет снять с себя всякие упреки в тщеславии и высказывает равнодушие к внешним условностям, она, однако, не могла не питать удовольствия, получив этот высокий знак отличия, которому так еще недавно завидовала, видя его на “толстушке” сестре Елизавете.

Много выпало хлопот и волнений за июньские дни на Дашкову: тоскливые, бессонные ночи, горькие мысли о возможной неудаче, страшная физическая усталость; но все это бесследно исчезло в том беспредельном восторге от успеха задуманного дела, который сменил дни сомнений и тоски…

Так закончилось знаменитое предприятие. Екатерина Романовна поработала на славу и, казалось, могла бы рассчитывать на прочную привязанность в сердце той, которую она так любила и за которую так рисковала. Но ей пришлось очень скоро вспомнить глубокомысленные сентенции дяди о “непрочности” привязанностей “великих мира”…

Глава III. Надежды и разочарования

Отношения двух знаменитых женщин. – "Романтизм" и личные интересы в побуждениях Дашковой. – Сцена в карете. – Несправедливость государыни. – Неудобства для нее от соседства Дашковой. – Степень важности участия Дашковой в июньском событии. – Свидетельство канцлера. – Ожидание чрезвычайных отличий. – Скромная награда. – Веселые дни во дворце. – "Небесная музыка". – Смерть сына. – Унижение в коронацию. – Статс-дама. – Подозрения на Дашкову. – Записка императрицы. – Смерть князя Дашкова. – Просьба вдовы к государыне. – Хозяйство Дашковой. – Разговор с Дидро о крепостных. – Строгая помещица. – Деятельная натура Дашковой

В отношениях двух знаменитых женщин прошлого столетия – княгини Дашковой и императрицы Екатерины II – психолог найдет подтверждение той истины, которая иллюстрируется и другими многочисленными примерами, – между прочим, и яркой историей королев Елизаветы английской и Марии Стюарт, – что и крупные женские личности способны обладать мелкими недостатками: завистью к достоинствам других женщин. Конечно, умная женщина не может не быть чуткой к проявлению нравственных и умственных сил: она легко способна удивляться и подчиняться им, в особенности если силы эти проявляются у мужчин. Но присутствие тех же самых свойств у особы женского пола, да еще не способной на скромное утаивание своих преимуществ, – а к такому типу должна быть отнесена княгиня Дашкова, – могло быть антипатично и даже ненавистно женщине (в нашем случае Екатерине II), способной, однако, восторгаться ими у мужчин.

Мы, конечно, далеки от того, чтобы приписывать Екатерине Романовне только одни идеальные стремления в рассказанной нами истории и видеть в ее действиях проявления лишь высокопатриотического подвига. Муции Сцеволы и Горации Коклесы принадлежат, главным образом, к такому периоду человеческой истории, когда "я" инстинктивно отождествляется с понятиями "общества" и "государства". Возможны, конечно, такие же необычайные подвиги и во имя глубокой потребности пострадать за идею, за "ближних", и тем принести счастье людям. Но, как мы видели, такие элементы могли играть лишь незначительную роль в решимости княгини Дашковой: у нее было достаточно реальных побуждений личного характера, чтобы пойти на совершенный ею подвиг. Да и по самым условиям жизни

и воспитания в том круге, где вращалась Дашкова и где внешний успех и блеск считались величайшим счастьем, трудно было бы ожидать от нее бескорыстного побуждения пострадать во имя счастья людей. Хотя Екатерина Романовна и приводит в записках немало примеров своего будто бы отрицательного отношения к личным выгодам, но, разумеется, к этим свидетельствам автора, весьма естественно склонного выставлять свои действия в лучшем свете, нужно относиться с осторожностью: слишком много имеется доказательств того, что “бренные блага”, третировавшиеся княгиней на словах с высоты философского величия, на деле представлялись ей весьма ценными.

В записках княгини есть занимательный рассказ об этом “бескорыстии на словах” их автора. Когда императрица возвращалась из Петергофа в карете, пригласив в нее Дашкову, графа Разумовского и князя Волконского, то между дамами произошел следующий разговор:

– Чем я могу отблагодарить вас за ваши услуги? – самым дружеским тоном спросила императрица Дашкову.

– Чтобы сделать меня счастливейшей из смертных, – громко, в духе псевдоклассических героев Расина, отвечала та, – нужно немного: будьте матерью отечества и позвольте мне остаться вашим другом!

– Все это составляет мой долг; но мне бы хотелось несколько облегчить себя от бремени той признательности, которую я к вам чувствую...

– Я думаю, – возразила Дашкова, – что услуги, оказанные другом, не могут никогда сделаться бременем.

Не правда ли, какие громкие, бескорыстные слова? Как будто читаешь сцену из классической трагедии с высокого “калибра” героями, говорящими отборным языком самые отборнейшие фразы! Но это высказанное в карете отречение от личных выгод, однако, не помешало княгине Дашковой впоследствии просить и получить немало и на свой пай “презренного металла”...

Но, говоря о тех причинах, которые привели Дашкову к решимости действовать, мы должны указать и на то, что в те молодые годы у княгини, при ее восторженном настроении, не могло быть только исключительно одних практических соображений: у нее было несомненно много романтического задора и искреннего энтузиазма в пользу своего обожаемого друга-императрицы. Не забудем, помимо того, что она была достаточно умна, чтобы понимать всю выгодность и для государства грядущей перемены. И если мы сравним ее действия с действиями других участников, исключительно руководившихся личными видами без всяких извиняющих романтических мотивов,

то должны отдать безусловное предпочтение Екатерине Романовне перед многими из них.

Как же был оценен этот энтузиазм Дашковой и ее энергическая деятельность Екатериной II? Во всяком случае, недостаточно, и государыня была во многом несправедлива к своей страстной партизанке. Довольно удовлетворительным объяснением этого факта может служить то, что Екатерина II, сама горевшая жаждой подвигов, долженствовавших прославить ее имя на весь мир, не хотела разделять этой славы, – в особенности в первое время царствования, – с другой женщиной: она не могла терпеть около себя молодой, умной, образованной и энергичной особы, не стеснявшейся говорить резкостей и не способной на скромную роль только одобряющей слушательницы. В начале царствования Екатерины II участие в управлении государственными делами такой самолюбивой личности, как Дашкова, когда еще сама государыня не успела приобрести популярности, могло казаться ей опасным для собственной репутации. Известно, что Екатерина II всячески старалась показать различным европейским знаменитостям, что только она сама, одна, заведует всеми государственными делами. Может быть, конечно, и самые свойства характера Дашковой, любившей во все вмешиваться и играть доминирующую роль, в связи с вышеуказанной причиной обусловили быстрое охлаждение к ней государыни.

Прежде всего представляется интересным вопрос, насколько было крупно участие княгини Дашковой в событиях, подготовивших 28-е июня 1762 года. Весьма вероятно, что от нее, в особенности вначале, многое скрывалось, когда еще не убедились в ее искренности и способности помогать делу. Но представляется положительно несправедливым то умаление ее значения в этом событии, которое видно в отзывах Екатерины II, например, в письме к Понятовскому. “Княгиня Дашкова, – пишет государыня, – младшая сестра Елизаветы Воронцовой, хотя она хочет приписать себе всю честь этого переворота, была на весьма худом счету благодаря своей родне, а ее девятнадцатилетний возраст не вызывал к ней большого доверия. Она думала, что все доходит до меня не иначе, как через нее... Наоборот, нужно было скрывать от княгини Дашковой сношения других со мной в течение шести месяцев, а в четыре последние недели ей старались говорить как можно менее”... “Выведите из заблуждения, прошу вас, – пишет далее Екатерина II, – этого великого писателя (Вольтера)”...

“Великий писатель”, мнением которого так дорожила “Семирамида Севера”, был “введен в заблуждение” Шуваловым,

рассказавшим ему о выдающейся роли Дашковой в июньском событии, – и это было очень неприятно государыне...

Приведя это письмо, мы должны привести и замечания на него, выраженные Екатериной Романовной в послании к ее другу мистрисс Гамильтон. “Императрица уверяет, – пишет Дашкова, – что я мало участвовала в этом деле и была не что иное, как честолюбивая простофиля... Я не могу себе представить, чтобы такое возвышенное существо, как императрица, могло говорить таким образом о бедной своей подданной так скоро после того, как эта самая личность обнаружила бесконечную к ней преданность и рисковала, служа ей, потерять голову на плахе”.

В этих трогательных и благородных словах звучит сомнение в подлинности помянутого письма к Понятовскому.

Если и нельзя без оговорок принимать рассказ Дашковой о названном событии, в котором она будто бы оказывается главным двигателем, то во всяком случае имеется немало беспристрастных и достоверных свидетельств о том, что ее роль не была так незначительна, как это старались представить недоброжелатели княгини. Если среди военных главная деятельность принадлежала Орловым, то весьма значительная роль должна быть отведена и Дашковой, набиравшей союзников для дела среди высокопоставленных слоев общества. Хорошие отношения к дяде Н. И. Панину, воспитателю Павла Петровича, очень пригодились Дашковой. Вообще, знакомства и связи племянницы великого канцлера были так обширны и энергия ее вместе с умом и образованием так выдавались над общим уровнем, что все это представляло благодарные условия для успешной деятельности. И нужно сознаться, что многие действия княгини были разумны, осторожны и ловки.

Помимо других свидетельств (например, депеш английских посланников и пр.), при оценке деятельности Дашковой для нас представляется достаточным указание такого компетентного свидетеля, как Михаил Илларионович Воронцов. И это показание тем более ценно, что оно принадлежит свидетелю, очень враждебно настроенному против племянницы и склонному скорее приуменьшать ее успехи и дела. В письме к племяннику Александру Романовичу от 21 августа 1762 года великий канцлер, весьма резко аттестуя племянницу, говорит однако: “Правда, она имела большое участие в благополучном восшествии на престол всемилостивейшей нашей государыни, и в том мы ее должны весьма прославлять и почитать”...

Нам кажется интересным одно замечание, приводимое в записках Екатерины Романовны по поводу события, о котором мы рассказываем. “Если бы, – говорит она, – участники искренно

сознались, как много они обязаны случаю и удаче успехом, то менее бы гордились!”

Как бы то ни было, Екатерина Романовна сама считала себя крупнейшей пособницей своего друга и вправе была рассчитывать на особенные, необычайные отличия. Сохранились сведения, что она желала получить чин полковника гвардии и занять постоянное место в заседаниях высшего государственного совета... И это весьма правдоподобно по отношению к самолюбивой и энергичной женщине, уже привыкшей к обсуждению государственных вопросов и так блестяще выступившей на арене отечественной истории. Тем тяжелее было убедиться Екатерине Романовне, что ее “выбрасывают за борт”, и притом так скоро, что она оправдала на себе замечание Петра III о выжатом и брошенном апельсине. Всего печальнее для княгини было то обстоятельство, что победившими ее соперниками в искании дружбы государыни были люди, о которых Дашкова совсем и не думала. В этом отношении очень интересной представляется сцена ее встречи в Петергофе с Григорием Орловым, о которой Дашкова рассказывает в своих записках.

Спустя несколько дней после воцарения розданы были награды пособникам Екатерины. Княгиня рассчитывала на какую-нибудь исключительную милость, но ей, как и другим второстепенным участникам, было дано 24 тысячи рублей, представлявших стоимость шестисот крестьян. Княгиня будто бы сначала не хотела получать этой суммы, но потом, убежденная друзьями, согласилась предоставить ее кредиторам своего мужа, долги которого приблизительно составляли такую цифру.

Гордому и чувствительному сердцу княгини нанесен был, таким образом, сильный удар. Мечты о власти, о наперсничестве с государыней, о влиянии на нее должны были отлететь далеко. Екатерина II предпочла для этого других лиц.

Но во всяком случае первое время Дашкова была близка к Екатерине II, и бывали минуты, которые они проводили просто и задушевно, по-старому; тогда сбрасывался придворный этикет, и они вспоминали прежние, в дружбе и сердечных беседах проводимые дни.

Князь Дашков, немедленно возвратившийся из своей поездки, был назначен императрицей командиром лейб-гвардии кирасирского полка. Супруги перебрались во дворец. Обедали они с императрицей, а ужинали в собственных комнатах, приглашая обыкновенно немало и посторонних. Если и исчезла мечта об исключительной дружбе до гроба с императрицей, то, как мы сказали, нередко последняя, отбросив всякие церемонии, весело проводила время в обществе Дашковых и проказничала,

как капризное дитя. Несмотря на то, что Екатерина II не особенно любила музыку, она охотно слушала пение княгини. Порою, подав знак князю Дашкову, государыня пресерьезно затягивала с ним ужасный, резавший уши концерт, который они называли “небесной музыкой”. Нередко концерт сопровождался самыми раздирающими криками и уморительными гримасами...

Но бывали и недоразумения, случались и неприятные сцены. У княгини главными недоброжелателями были близкие в это время императрице Орловы; а при таких условиях, конечно, трудно было предполагать возвращение прежних отношений; притом, как мы уже ранее сказали, характер Дашковой был не из таких, чтобы способствовать сглаживанию неровностей и улаживать дело уступками.

Осенью 1762 года двор отправился на коронацию в Москву; в свите государыни были и Дашковы. Дорогой, под Москвой, княгиня узнала, что ее маленький сын Миша, оставленный у свекрови, умер. Мать провела несколько дней в слезах, отказалась участвовать в процессии торжественного въезда в Москву и старалась избегать всяких общественных удовольствий. Из того факта, что княгиня узнала о смерти своего сына от других, мы можем вывести заключение, как поглотила ее политическая роль и какой заманчивой представлялась ей слава, что в погоне за нею она забыла о малютке, оставленном в деревне.

В коронацию Дашкову ждало новое огорчение. Церемониал был устроен так, что Екатерине Романовне, претендовавшей на самую крупную роль в предшествовавших событиях, было отведено как жене полковника при торжестве в соборе не особенно почетное место: сзади, на подмостках. Нам это обстоятельство, конечно, не может казаться очень важным; но какую бурю страданий оно причинило гордой, самолюбивой Дашковой. Она, однако, храбро заняла свое место, не хотела показать малодушия и смело выдерживала двусмысленные взгляды окружающих... Княгиня смотрит на свое поведение в этом случае, как на геройское; и это обстоятельство, что она придавала так много значения малостоящей обрядности, дает нам повод подозревать искренность философских ее тирад против “суетных отличий”...

Во всяком случае, в списках наград по поводу коронации Дашковы заняли не последнее место, и княгиня получила звание статс-дамы государыни.

Однако только этим внешним знаком благоволения милости государыни и ограничились: прежние друзья были далеки теперь душой. Хотя празднества в Москве беспрерывно следовали одно за другим, но княгиня проводила время в семейном кругу, нигде

не появлялась и не показывалась даже во дворце. Это было несомненным знаком совершенного охлаждения к ней государыни.

Мы не будем рассказывать здесь о том, что происходило в Москве в это время, когда благодаря честолюбивым видам Орловых, вызвавшим недовольство большого круга лиц, возникли известные волнения, душой которых был Хитрово, один из участников события 28 июня. Прошлое Дашковой, ее решительность и недовольство являлись, конечно, основательным предлогом для обвинения ее в участии и в этих событиях, что, однако, было совершенно несправедливо. Императрица, недовольная ею, подозревала во многом свою недавнюю поклонницу. Княгиня не сдерживалась в разговорах, и ее смелые речи доходили до государыни, что, разумеется, еще более подливало масла в огонь.

В мае, в то время, когда княгиня, недавно разрешившаяся от бремени, лежала в постели, муж ее получил через Теплова следующую записку от государыни: “Я искренно желала бы не предавать забвению услуг княгини, и мне очень прискорбно ее неосторожное поведение. Напомните ей об этом, князь, так как она позволяет себе нескромную свободу языка, доходящую до угроз”.

Эта записка в связи с другими обстоятельствами так подействовала на княгиню, что она сильно заболела, и окружающие даже опасались за ее жизнь.

Но императрица несмотря на перемену отношений исполнила свое обещание: она была восприемницей новорожденного сына Дашковой. Впрочем, на этой формальности все и кончилось: государыня даже не спрашивала о здоровье матери новорожденного. Вскоре Дашкова, по некоторым известиям, должна была с мужем уехать из Москвы, а по рассказу Дидро, только болезнь спасла ее от ареста.

Так прервались надолго добрые отношения недавних друзей; они возобновились с более мирным оттенком некоторое время спустя, когда Екатерина II не могла уже опасаться, что ее упрочившейся славе повредит популярность Дашковой, и когда сама княгиня, наученная горьким опытом жизни, стала несколько тактичнее и даже научилась говорить не совсем заслуженные комплименты.

В конце декабря 1763 года княгиня, оправившись от болезни, явилась в Петербург; но Дашковым уже не было места во дворце; они поселились в наемном доме.

Когда в 1763 году императрица отправила войска на запад поддержать кандидатуру Понятовского на польский престол, в

том числе выступивших в поход генералов был и Дашков. Лето 1764 года княгиня провела на даче своего родственника, Куракина, в полном уединении, с детьми и девицей Каменской. Обстоятельства складывались так, что опять навлекали подозрение на княгиню. По соседству жил родственник ее, Петр Иванович Панин. Его посещал, между прочим, Мирович. Конечно, и Дашкова встречалась с ним у родственника. Посещения Мировича отнесли на счет Дашковой, имевшей уже весьма “красную” репутацию. Это было таким обстоятельством, которое отнюдь не могло охладить неприязни к ней императрицы. Однако и в этом случае, как и раньше, вся вина Дашковой была лишь в том, что она не стеснялась громко и откровенно высказывать свои мысли.

В доме своей тетки Паниной в сентябре 1764 года княгиня узнала о смерти своего мужа, ставшего жертвой лихорадки во время переходов с отрядом. Княгиня лишилась чувств при этом печальном известии. Но она была не из такой породы, чтобы долго позволять себе “разнюниваться” и сентиментальничать. Ее и тогда уже обладавшая большими задатками практичности, живая, жаждавшая деятельности натура скоро нашла выход из охватившей ее грусти. Если Дашковой не удалась та роль, которую она думала разыгрывать в общественной жизни, то теперь сама собою ясно обозначилась перед ней цель: воспитание детей и приведение в порядок расстроенных дел мужа.

Князь Дашков – добродушный и хороший человек, не обладавший особенными дарованиями (хотя княгиня и расписывает его самыми радужными красками в своих мемуарах в этом смысле), – был бонвиваном, не прочь покутить, завести интрижку и вообще сделать то, что было в нравах тогдашней молодежи. Конечно, его дела не могли быть особенно в порядке, и честь приведения их в блестящий вид принадлежит его молоденькой вдове, доказавшей своей деятельностью, что она не меньше смыслит и в практических, деловых вопросах, как и в политике с наукой.

Вскоре после смерти мужа вдова написала письмо к Екатерине II, – письмо, свидетельствующее, что Дашкова отнюдь не пренебрегала “просить” и пользоваться из того источника, откуда черпали все тогдашние лица ее круга. Приводимый ниже отрывок из этого послания довольно живо иллюстрирует непоследовательность философии автора мемуаров и разлад его теории с практикой.

Описав трогательными чертами, – обычная манера всех подобных просительных писем, – свое печальное положение после смерти мужа, княгиня заканчивает: “Я себя и с моими

младенцами повергаю к монаршим стопам вашим: воззрите, всемилостивейшая государыня, милосердым оком на плачущую вдову с двумя сиротами, прострите щедрую свою руку и спасите нас, несчастных, от падения в бедность!”.

Хороша бедность “философа”, обладавшего несколькими тысячами душ! И как не похож автор этого шаблонного письма на гордого автора записок, где высказываются благородным языком многие возвышенные истины!

Молоденькая вдова, решив не продавать ни одной пяди родовой земли, сумела в несколько лет уплатить долги мужа и привести в отличный вид свое хозяйство. Нередко это достигалось, даже в те молодые годы, путем чрезмерной экономии и не совсем благосклонного отношения к своим “вассалам” – *душам.* Как это ни грустно, но следует отметить в романтической княгине Дашковой весьма практические свойства – черта, отмечаемая единогласно всеми ее современниками... Казалось бы, “дистанция огромного размера” между идеальными воззрениями на обязанности к обществу, как о том трактуется на многих страницах записок, и самой обыкновенной, чичиковской практичностью, обнаруженной на Деле; но душа человеческая такова, что в ней нередко способны совмещаться крайние противоречия...

Все эти четыре-пять лет, от смерти мужа до первой поездки княгини за границу (в 1769 году), не представляются интересными для биографии Дашковой: все это время она не играла никакой роли благодаря неблаговолению императрицы; жила большей частью в имениях мужа (из которых любимое – Троицкое) и посещала родных и знакомых. Романтическая княгиня в названные годы самым мещанским образом “копила” деньги, и здесь не будет неуместным взглянуть на то, какими это средствами достигалось. Мы потом подробно скажем о мелких чертах скупости, которая была главным образом свойственна княгине уже в старости, а здесь бросим взгляд на отношения Дашковой к крестьянам. Тут, как и раньше мы могли бы догадаться, практика жестоко шла вразрез с теорией.

В интересном разговоре с Дидро о “крепостных”, происшедшем за время первой поездки Дашковой за границу, княгиня высказала, что прежде она думала об этом предмете (освобождении крестьян) то же самое, что и знаменитый собеседник, но “теперь, – говорила она, – я вижу ясно, что лишь образование ведет за собой свободу, а не наоборот: свобода без образования – анархия... Если бы низший класс в нашем отечестве был образован, то он заслуживал бы освобождения”...

Невольно хотелось бы тут сказать словами Гейне:
Этой песни давно уж знаком нам напев,
Да и авторы тоже знакомы:
Проповедуют воду нам пить и вино
Проповедники кушают дома...

Красноречие Дашковой будто бы было так поразительно, что Дидро воскликнул:

– Что за женщина! Вы в одно мгновение перевернули в моей голове понятия, выработанные в продолжение целых двадцати лет!

Мы позволим заметить, что если и сказал знаменитый энциклопедист эти слова, приводимые в записках Дашковой, то это было, так сказать, лишь facon de parler[2], – той лестью, – часто совершенно бесшабашной, – которая вошла в обычай у французов при объяснениях со знатными и на которую так был щедр даже отчаянный насмешник Вольтер. Во всяком случае, эти слова не могли соответствовать задушевным идеям Дидро, которые он проводил в своих произведениях.

Дашкова, разумеется, не была "жестокой" помещицей; она была "разумной хозяйкой" и более соответствовала тому типу патриархальных господ-отцов своих детей-крестьян, который выставляется с такой любовью у всех защитников старого режима. Она при том допускала ограничение крепостного права и как англоманка распространяла этот принцип "ограничения" и на все другие сферы власти.

Дашкова, – и это было вообще в ее характере, – не особенно мягко относилась к крестьянам и собирала с них большие оброки. Так, например, во время пребывания княгини за границей дочь ее продала из Новгородского имения Коротова сто душ. Узнав об этом, княгиня рассердилась на дочь, выслала покупателю деньги 4 тысячи рублей, да с крестьян собрала с этой целью столько же и взяла Коротово в свое владение. Затем ею отдан был приказ: "Деньги 4 тысячи рублей, кои вы для выкупа внесли, разложите на всех Коротовских крестьян поровну, а за то даю на четыре года вам льготы – ни копейки не платить оброку, а после 4-х лет только по два рубля с души мне платить будете". Это составляло за четыре года, по числу крестьян, оброку по семь рублей с души – сумма для того времени очень большая.

За выводимых из своей вотчины "девок" княгиня приказывала присылать по ста рублей с каждой. За всякую провинность предписывались ею строгие наказания, и вообще все отношения помещицы к подвластным крепостным были соответственны с

высказанными в разговоре с Дидро принципами о необходимости узды для “необразованных”. В одном из своих писем Дашкова приказывает: “Выбрать вам в старосты такового всем миром, чтоб мог вести строго, и богатым не мирволил, и за непорядок всякого жестоко наказывал; притом объявить на сходке, если богатые пожелают откупиться навек на волю, чтоб записаться в мещане или купечество, то на всякое то семейство прислать мне реестр, сколько мужеского и женского пола душ в нем находится, и почему за семейство в откуп кто что станет давать...”

Справедливость, однако, требует сказать, что большинство распоряжений княгини были хотя и строги, но разумны.

Мы до сих пор знали Дашкову как светскую особу и участника политического движения. А чтобы дополнить портрет деревенской Дашковой (портрет очень характерный), приведем еще некоторые черты из писем мисс Вильмот, долго жившей в Троицком, известном поместье княгини.

Несомненно, Дашкова была очень деятельной и живой натурой: это проявлялось в ней в течение всей ее жизни. Когда ей недоступна уже была широкая сфера деятельности, она старалась вникать во все подробности той маленькой сферы, которая, в виде родовых поместий, была ей подвластна. “Дашкова, – говорит в одном из писем мисс Вильмот, – помогает плотникам воздвигать стены, собственными руками участвует в прокладывании новых дорог, кормит коров, сочиняет музыкальные пьесы, пишет для печати. Она громко говорит в церкви и поправляет священника, если он невнимателен; она громко толкует в своем маленьком театре и подсказывает актерам, когда они забывают свои роли. Она сама и доктор, и аптекарь, и фельдшер, и кузнец, и обойщик, и судья, и маклер...”

И в то же самое время она ведет обширную переписку с братом, философами и художниками! Невероятная, энциклопедическая деятельность!

Но как ни расположена к Дашковой мисс Вильмот и как ни мягко она сообщает о подробностях ее жизни, все-таки даже в этом благоприятном рассказе сквозят знакомые нам черты крепостных нравов, выше которых княгиня вовсе не была. Она напоминает нам типичных помещичьих вдов, которыми так была богата крепостная Россия и которые, потеряв мужа, очень скоро ориентировались в несложной сфере крепостного хозяйства и часто превосходили мужчин деловитостью и даже суровостью.

Практичность и деловитость Дашковой, указывающие на то, что у нее всякий грош был на счету, сквозят во всех ее действиях. Вот, например, отрывок из письма ее к брату Александру Романовичу в Лондон, – письма, подобных которому, конечно,

немало найдется в корреспонденции княгини. “Прошу ко мне прислать, – пишет она, – три дюжины ножей без черенков, но одно железо для того, что железо здесь дурно делают, а аглицкие эти лезвия я приделаю к серебряным моим черенкам...”

Чертами “практичности” знаменитой княгини и эпизодами довольно курьезного свойства из этой области можно было бы наполнить целые десятки страниц.

Глава IV. За границей

Цели и причины поездки. – Просьбы об отпуске к Екатерине II. – Пособие на поездку. – Встреча с Фридрихом Великим. – Знакомство с Гамильтон. – Частые свидания с Дидро. – Портрет Дашковой, описанный Дидро. – Ранняя старость княгини. – Свидание с Вольтером. – Спор о Руссо. – Возвращение на родину. – Хороший прием, оказанный императрицей. – Участие Дашковой в литературных предприятиях. – Знакомство с Потемкиным. – Думы о воспитании детей. – Невероятное количество знаний сына Дашковой. – Вторая поездка за границу. – "Блестящее" образование сына. – Заботы о его карьере. – Встреча с Григорием Орловым. – Знаменитые знакомые Дашковой. – Нетактичность с королевой. – Поездки по Европе. – Разговор с Кауницем о Петре I. – Дашкова спешит на родину

Княгиня Дашкова еще девочкой, живя у дяди-канцлера, интересовалась заграницей и грезила о поездке туда. Рассказы многочисленных иностранцев, бывавших в доме Воронцова, о чудесах на их родине, о шумной общественной жизни, памятниках искусства и науки, о формах правления, – все это интриговало живое воображение девушки. Но потом политика вовлекла ее в свой водоворот; заботы семейной жизни, желание вернуть себе прошлое при дворе значение, смерть мужа и хлопоты по имениям, – все это надолго задержало на родине княгиню. Наконец наступила возможность осуществить желание юности – кстати, это теперь было и очень удобно, чтобы дать время изгладиться на родине неблагоприятным воспоминаниям у государыни. Это было удобно и для самолюбия Дашковой: опала, тяготевшая над нею, нередко, вероятно, ставила в двусмысленное положение привыкшую к возвышению над толпой княгиню.

Поездка Дашковой по Европе, таким образом, объясняется простым любопытством, желанием освежиться, увидеть новые страны, ознакомиться с новыми порядками. Наконец, и вышеуказанная причина – нерасположение государыни – могла быть одним из поводов для заграничной прогулки. Но Дашкова любила объяснять самые, по-видимому, простые свои действия громкими мотивами. Главной причиной поездки было, по объяснению Екатерины Романовны желание увезти детей от дурного влияния родственников и прислуги. Кроме того, ей хотелось иметь и хороших учителей, которых трудно было достать на родине, где вовсе не утрированными карикатурами в ту эпоху были фонвизинские педагоги – Вральман, Цифиркин и

Кутейкин. Княгиня, по ее словам, хотела закончить и свое собственное образование.

Во всяком случае, и в этих путешествиях сказались свойственные Дашковой энергия и любознательность. Поездки княгини (их было две) представляют интерес во многих отношениях: ей пришлось встречаться со многими тогдашними европейскими знаменитостями и делиться с ними мыслями; они представляют много характерных черт того времени и выясняют нам многие взгляды и стороны самой путешественницы.

Дашкова еще в 1768 году письменно из деревни обратилась к Екатерине за разрешением заграничного путешествия, но письмо ее было оставлено без ответа. Тогда она предприняла поездку по России и только в 1769 году лично у императрицы, свидание с которой было самое официальное, выпросила себе разрешение на заграничный вояж. Перед отъездом к ней явился чиновник и привез ей 4 тысячи рублей на расходы от государыни. Эта “малость” очень удивила Дашкову, и она, по рассказу в ее записках, составила реестр только самым необходимым покупкам, а остальное, и притом большую часть, будто бы отдала привезшему деньги.

Следует обратить внимание на то противоречие, которое является в показаниях княгини насчет ее отношений к милостям свыше. С одной стороны, она говорит о своем бескорыстии, а с другой – возмущается “ничтожными подачками”. И самое странное то, что она, третируя их, все-таки под тем или иным предлогом, как бы по не зависящим от нее причинам, находит возможность пользоваться ими.

Дашкова с двумя детьми, девицей Каменской и другими спутниками выехала за границу в декабре 1769 года. Она соблюдала инкогнито и назвала себя Михалковой, по имени одной из деревень ее мужа. Конечно, в этой поездке княгиня не могла изменить своей привычке к экономии, и ее вояж был обставлен весьма скромно. Но Дашкову следует похвалить за то, что составляло отличие ее от других бонвиванствующих за границей россиян: она не жалела денег на приобретение действительно ценных предметов науки и искусства, которые впоследствии составили ее знаменитый кабинет естественной истории.

В Берлине она не хотела было представляться Фридриху II, так как ее инкогнито мешало этикету.

– Этикет – глупость! – сказал на это Фридрих Великий, обыкновенно не особенно долюбливавший женщин, да еще ученых, – Дашкова будет принята при моем дворе под каким угодно именем!

Однако эта любезность не мешала тому же Фридриху, как рассказывает граф Сегюр, зло смеяться над Дашковой и называть ее, по поводу участия в июньском событии, “мухой на рогах пашущего вола”.

В Спа Дашкова познакомилась с мистрисс Гамильтон и другими англичанами. С первой из них она заключила тесный дружеский союз. Знакомство с этой особой было очень важно для княгини по тем последствиям, которые оно повлекло за собой. Кузина мистрисс Гамильтон – мисс Вильмот – прожила впоследствии очень долго в России у Дашковой и усладила своей дружбой последние дни старухи, покинутой детьми и печально проживавшей в деревне. Эта же мисс Вильмот, как известно, издала в свет интересные записки княгини.

В Спа произошло знакомство и со знаменитым Неккером. Вместе с новыми знакомыми англичанами княгиня жила и путешествовала в Англии, отлично усвоив английский язык. Не мешает отметить эту черту привязанности Дашковой ко всему английскому. Княгиня походила в этом отношении на своих братьев. Как известно, Александр и Семен Романовичи прослыли на родине даже “англоманами”. Весьма возможно, что свойства английского типа очень подходили к той положительности и деловитости, которые были характерными чертами братьев Воронцовых и их прославившейся сестры.

В Париже Дашкова очень часто виделась с Дидро. Мы уже приводили выше сущность их беседы о крепостных. Дашкова заключила со знаменитым энциклопедистом искреннюю дружбу, и они долго переписывались. Нужно заметить, что княгиня вела себя за границей в высшей степени тактично, и ее отзывы об императрице были всегда восторженны. Это было прекрасной тактикой, и в позднейшем возвращении благоволения государыни немалую роль сыграли письма к ней Дидро и Вольтера, где последние передавали “Семирамиде” о восторженных восхвалениях ее Дашковой. Княгиня дошла в своей тактичности и осторожности до того, что последовала совету Дидро и не приняла Рюльера, автора известных мемуаров, где на долю Екатерины II приходилось немало колкостей. Княгиня Дашкова была очарована Дидро: “Мир не сумел достойно оценить это необыкновенное существо!” – с энтузиазмом восклицает она в своих записках. И Дидро, в свою очередь, оставил нам чрезвычайно сочувственный и, может быть, слишком пристрастный портрет княгини, некоторые черты которого, относящиеся к ее внешним качествам, мы приводили выше. “Она серьезна по характеру, – говорит Дидро о Дашковой, – обыкновенно не высказывает того, что думает, но если говорит, то

просто и с истинным убеждением... душа ее потрясена несчастьем. Ее убеждения основательны и кругозор обширен. Она смела и горда. Она проникнута отвращением к деспотизму и к тому, что более или менее походит на тиранию. Она хорошо знает русских государственных людей и откровенно высказывает свое мнение о них, хваля их достоинства и в то же время резко отзываясь о недостатках. Она так же решительна в своей ненависти, как и в дружбе, у нее есть проницательность, хладнокровие, верные суждения".

В этом любопытном портрете, из которого мы сделали лишь извлечение, можно не согласиться только с характеристикой скромности Дашковой, не любившей будто бы, чтобы ей удивлялись, – хотя, наоборот, ее тщеславие бьет, так сказать, из-под каждой написанной ею строки, из-под каждого сказанного ею слова. Из сообщенного Дидро видно, что заботы и волнения, пережитые княгиней, необычайно состарили ее и расстроили здоровье. Во время свиданий с Дидро Дашкова была 27-ми лет, но ей по виду можно было дать сорок лет.

В Женеве она увиделась с Вольтером, перед которым привыкли благоговеть и она, и ее августейший друг и сочинениями которого зачитывались обе. Она выразила желание посетить фернейского отшельника и получила письмо от него, начинающееся так: "Фернейский старик, почти слепой и удрученный страданиями, поспешил бы упасть к ногам княгини Дашковой, когда бы его не удерживали болезни". Вольтер приветливо приглашал путешественницу к себе.

Она его вскоре посетила, но вынесла не совсем то представление о личности знаменитого писателя, которое составила себе по его произведениям. Старик принял ее любезно, но не меньшую любезность обнаружил и к двум откупщикам из Парижа, обедавшим с ними. Разговаривали о самых неинтересных предметах. При встрече не обошлось без тех льстивых слов, которыми был так богат в необходимых случаях насмешливый язык этого писателя. Вольтер сидел в большом кресле больной, страждущий.

– Что я слышу? – преувеличенно льстиво приветствовал он гостью. – Даже голос ее – голос ангела!

Потом, посещая запросто Вольтера, она забыла впечатление первого свидания и наслаждалась беседой этого кумира всех высоких особ, перед которыми так умело балансировал знаменитый фернейский отшельник, давая им порой жестокие щелчки в своих произведениях.

Эта первая поездка Дашковой за границу изобиловала целым рядом дорожных приключений и была интересна по той

непринужденности и простоте, которой она отличалась. Из Швейцарии путешественники поехали на лодках по Рейну, останавливались во многих местах и осматривали достопримечательности. Дашкова с Каменской сами нередко отправлялись на рынки за провизией.

Во Франкфурте княгиня встретилась с учившимся там младшим Орловым. В своих мемуарах она рассказывает, какие споры велись ею с юношей – поклонником Руссо, между тем как Дашкова, пропитанная аристократическими стремлениями, относилась с большой антипатией к демократическим идеям и личности швейцарского философа.

Вообще эта поездка освежила нравственные силы княгини, подбодрила ее. Но путешественницу уже тянуло в Россию, где в это время свирепствовала чума, похитившая и многих из ее крестьян. Затем она узнала в Риге, что Панин продал дешево ее дом – все это так расстроило княгиню, что она несколько дней пролежала больная.

Время смягчило гнев императрицы и нерасположение родных против Дашковой. Последняя по приезде в Петербург остановилась у своей сестры Елизаветы. Тут же она увиделась и с отцом, с которым последовало после долгой размолвки окончательное примирение. Опала, так печально отразившаяся на Дашковой, рассеялась, и Екатерина II была не прочь приветливо встретить своего старого друга. К тому же враги княгини – Орловы (по крайней мере, она их считала врагами) сходили со сцены. А с другой стороны, тактичное поведение Дашковой за границей и ее восторженные отзывы о государыне, доведенные до сведения последней ее иностранными корреспондентами (в том числе Дидро и Вольтером), – все это приготовило почву для примирения, хотя о прежней близости не могло быть и речи.

Императрица оказала Екатерине Романовне прекрасный прием, а выданные ею большие суммы на покупку имения немало способствовали умиротворению недовольства княгини государыней. Время до своего второго путешествия, совершенного через пять лет после возвращения из первого (1771 год), княгиня большей частью проводила в Москве и в тиши деревенского уединения, читая книги, занимаясь воспитанием детей и благоразумно прикапливая капиталы. Нужно заметить, что, возвратившись из первого путешествия, Дашкова принимает участие в литературных делах. Так, она основывает вместе с другими “Вольное российское собрание” при Московском университете и печатает “Опыт о торге” Гюма (Юма) и др. Но первое печатное произведение ее пера – это перевод вольтеровского “Опыта об эпическом стихотворстве”,

помещенный в московском ежемесячном журнале “Невинные упражнения” (1762 – 1763 годы). Не забудем здесь сказать, что княгиня впоследствии пожертвовала Московскому университету богатый, собранный ею в течение 30 лет, кабинет естественной истории. Этот замечательный дар, ценившийся в 50 тысяч рублей, погиб в пожаре 1812 года, как погибло тогда много редких предметов, причем и богатая библиотека княгини была тоже расхищена.

В одну из частых поездок в Москву княгиня у Еропкина познакомилась с Потемкиным. Интересно, что с этим могущественным человеком, которого братья ее звали не иначе, как “бичом России”, княгиня поддерживала довольно благоприятные отношения. Во всяком случае, Дашкова не раз через него обращалась с просьбами к государыне и вообще вела с ним дружбу.

Теперь княгиню занимали заботы о воспитании сына. Вообще, она в приписываемых ей некоторых журнальных статьях того времени высказывала немало дельных мыслей о воспитании. Она осуждала наше общество, пристрастное ко всему французскому, называя это “мартышеством”; говорила, что “воспитание более примерами, нежели предписаниями, преподается”. Она высказывала ту мысль, что высшее “совершенное воспитание должно состоять из физического, нравственного и школьного или классического”. А этим условиям, конечно, не удовлетворяла тогда Россия. По выработанному княгиней плану для воспитания сына чего только не полагалось знать последнему: он должен был “объять необъятное”! Этим воспитанием Дашкова хотела, может быть, прославиться не менее чем своим первым общественным подвигом. Но (и в этом странная ирония судьбы) какое могло найти применение это всестороннее образование в тогдашней России? Оно, как что-то совершенно наносное, исчезло, кажется, без следа у ее сына, мучившегося над науками и ездившего даже за ученым дипломом в Эдинбург – столицу Шотландии, чтобы забыть все эти мудреные вещи сейчас же по приезде на родину.

Вот какими знаниями обладал ее сын, когда ему было только 13 лет, по крайней мере так писала мать известному ученому, ректору Эдинбургского университета Робертсону: “В латинском языке трудности уже преодолены. По-английски князь хорошо понимает прозаических писателей и порядочно – поэтов. По-немецки он понимает все, что читает. Французский знает как родной. Из литературы он ознакомился с большинством лучших трудов, и его вкус уже более развит, чем обыкновенно бывает в этом возрасте. По математике он уже сделал успехи и может решать некоторые сложные задачи; но я желала бы, чтобы он

продолжал ею заниматься, начиная с алгебры. Я желала бы, чтобы он совершенно понимал гражданскую и военную архитектуру... Он знает всеобщую историю и частные истории Германии, Франции и Англии"...

Вот что знал в 13 лет этот замечательный мальчик! Но княгине было мало перечисленного выше, и она желала, чтобы он, занимаясь теми предметами, которые уже усвоил, изучил еще (и все это в 2 с половиной года) : 1) логику с психологией, 2) опытную физику, 3) некоторые данные из химии, 4) философию с естественной историей, 5) естественное право, публичное и общее право и право отдельных лиц; все это в приложении к законам и обычаям европейских народов, 6) этику и 7) политику...

Какой длинный реестр знаний, достойный огромного ума и памяти Аристотеля, должен был усвоить мальчик и в такой сравнительно непродолжительный срок пребывания Дашковых в Шотландии! Но, кажется, здесь, как и в других случаях, княгиня хотела главным образом удовлетворить тщеславную страсть и блеснуть перед целым миром программой необыкновенного воспитания. Она не заботилась об усвоении сыном хотя бы менее обширного круга знаний, но зато более основательно... И весьма возможно, что мальчик переучился, получил отвращение к науке, все это скоро позабыл и вообще всем своим будущим печально компрометировал "хваленое" воспитание матери, над которым так жестоко насмехалась императрица Екатерина.

В 1775 году двор приезжал в Москву праздновать заключение после первой войны мира с Турцией. Княгиня принимала участие в этих празднествах. Еще до отъезда государыни Дашкова испросила у нее разрешения на второе путешествие для помещения сына в университет. Между прочим, она в первую поездку дала обещание увидеться со своим другом, мистрисс Гамильтон, в Спа через пять лет и поселиться в том доме, который тогда только что начали строить. Мы не можем следить за всеми подробностями этого продолжительного путешествия (с 1776 по 1782 годы), но отметим его интереснейшие эпизоды.

Князь Дашков, поступивший в Эдинбургский университет, в 1779 году в мае окончил свое образование и при единодушных рукоплесканиях толпы, как рассказывает Дашкова, с блестящим успехом выдержал экзамен на степень магистра изящных искусств.

В то время, как ее сын занимался в университете, княгиня приобрела массу знакомств среди знаменитостей (Адам Смит, Робертсон и другие). Нужно сказать, что в XVIII столетии Шотландия и Эдинбург были одним из самых блестящих научных центров в Европе. На летнее время Дашкова обыкновенно уезжала

с мистрисс Гамильтон в горы Шотландии. Эти годы она сама называет счастливейшими и спокойнейшими в своей жизни. В Эдинбурге Дашкова наняла квартиру в Голируде, бывшем когда-то дворцом шотландских королей. К ее спальне примыкал кабинет Марии Стюарт. Это соседство с комнатами несчастной королевы, судьба которой воспламеняла воображение гениальнейших поэтов, заставляло нередко и Дашкову думать о непрочности и суетности земного величия. Впрочем, эту истину не раз пришлось испытать княгине и непосредственно на самой себе.

Но, дав своему сыну такое обширное, по крайней мере, по количеству изучавшихся им наук, образование, как же думала княгиня утилизировать такую умственную силу? Увы, в этом вопросе Дашкова не возвышалась над общим уровнем: все ее заботы были направлены лишь к тому, чтобы сын сделал карьеру в смысле блеска внешних отличий и получения побольше на свой пай благ земных. Впрочем, другого трудно было и ожидать от княгини, зная ее практичность и тщеславие, а также общественные условия.

Княгиню за все время ее путешествия волновали заботы о сыне. Она пишет угодливые письма к всемогущему Потемкину о зачислении “магистра искусств” в гвардию и о его производстве и очень печалится, не получая ответа от “светлейшего”.

После окончания сыном учения Дашкова снова путешествует по западной Европе. В Лейдене она встретилась с Григорием Орловым. Княгиня еще не знала, что ее недоброжелатель получил позволение путешествовать.

– Я пришел к вам не как враг, а как друг, – сказал Орлов и предлагал ей свои услуги.

Какой блестящий ряд лиц, с которыми княгиня часто встречалась и вела оживленную переписку, мелькает в ее записках! У Даламбера в Париже сын ее брал уроки математики. Дидро, Малерб, Неккер, аббат Рейналь – вот ее парижские постоянные посетители и знакомые. В доме Полиньяк она встретилась с королевой. Та похвалила ее детей в особенности за то, что они хорошо танцуют, и выразила при этом огорчение, что она должна отказаться от этого удовольствия, так как законы света осуждают занятие этим “спортом” в двадцатипятилетнем возрасте. Дашкова с обычной живостью сказала:

– Не одобряю такого запрещения! Это гораздо естественнее и лучше, чем играть в карты.

Такое замечание было большой нетактичностью, так как королева страстно любила карты. На другой день во всех парижских высших кругах только и говорили, – сообщает

княгиня, – что о ее несчастной болтовне.

Посреди этого потока знаменитых знакомств, в промежутках свиданий с мировыми известностями, – в Париже, в Италии, в Голландии, при восхождении на Везувий, – везде княгиню беспокоила мысль о неполучении ответов от князя Потемкина насчет судьбы ее сына.

Между прочим, она просила племянника “светлейшего” – Сомойлова – похлопотать за нее перед дядей, что тот и обещал. Из Ливорно Дашкова отправила Екатерине II план карантина для борьбы с эпидемиями и при этом случае искусно просила государыню о сыне.

В Риме она познакомилась с кардиналом Берни, аббатом Гальяни, пробралась и к самому Пию VI. Она серьезно изучала памятники искусства. Жизнь она вела систематически-аккуратную, и время путешественницы не проходило даром. У нее часто собирались художники и работали. Сын учился гравированию и акварельной живописи. Из Италии она увезла немало редких картин, эстампов, камей и других предметов искусства.

Наконец ее очень обрадовал ответ Екатерины, и, возможно, что в этом деле помог Дашковой Потемкин. Государыня благодарила за присылку плана карантина и писала, что позаботится о сыне. Вообще письмо было милостивое, и с этой минуты княгиня спешит на давно уже покинутую ею родину.

В Вене, при свидании с Кауницем, Дашкова во время спора о Петре высказала свой взгляд на этого государя, которого она недолюбливала и как пионерка равноправности женщин противопоставляла ему обожаемую государыню. Сущность ее взгляда на Петра была та, что он повернул слишком круто. Вышло бы гораздо более прочно, если бы это было осуществлено постепенными реформами. Кауниц указал на трогательное зрелище “царя-работника” с топором в руках.

– Вы знаете лучше, – сказала на это решительно Дашкова, – что монарху нет времени заниматься делами простого рабочего!

В другой раз, впоследствии, на родине она негодовала на мнение, что женщина не может управлять государством. Она называла Петра “tyran brutal”[3], “невеждою, который жертвовал хорошими учреждениями, законами, правами и преимуществами своих подданных обуявшей его страсти к преобразованиям, к изменению всего существующего строя жизни”.

Со стороны такого страстного партизана императрицы, как Дашкова, в своем лице доказавшей, что женщина способна на проявление деятельности в разнообразных сферах, вышесказанное мнение не должно казаться парадоксальным.

В Берлине опять Фридрих II оказал необычайные для этого монарха знаки внимания Дашковой. Во время развода и парада король подскакал к княгине, приглашенной на смотр войск, спрыгнул с лошади и, сняв шляпу, беседовал с гостьей. Это было настолько необыкновенно для третировавшего женщин короля, что на другой день за ужином у королевы Дашковой заметили, что история будет говорить о ней как о личности, в пользу которой Великий Фриц сделал исключение из своих правил.

Но как ни хорошо было за границей, как ни были велики триумфы там княгини, – ей нужно было торопиться на родину. Теперь она ехала туда с гордым сознанием совершенного ею дела: она везла получившего блестящее образование сына. Ее ждало милостивое внимание императрицы, для чего, конечно, пущены были Дашковой в ход многие средства. На родине ее ждала деятельность во главе высшего ученого учреждения: президентство в Академии наук. И назначением на эту должность Дашковой Екатерина, с одной стороны, хотела оригинальностью выбора увеличить блеск своего царствования и показать европейским светилам науки и литературы независимость своих убеждений и отсутствие в них рутины, а с другой – дать Дашковой доказательство примирения с нею и возвращения когда-то утраченного доверия.

Глава V. Почет и невзгоды

Отзывы современников о Дашковой как о замечательной женщине. – Академия наук. – Разобщенность ее с "живыми силами" страны. – Милости государыни. – Пожалование имения Круглое. – Ходатайство перед Потемкиным. – Назначение директором Академии наук. – Деятельность Дашковой в этом учреждении. – "Собеседник". – Кружок лучших литераторов. – Актив в управлении Дашковой. – Пассив и курьезы. – "Российская Академия". – Непрочность дружбы с Екатериной II. – Процесс о "свиньях". – Резкость княгини. – "Вадим Новгородский". – Отпуск. – Смерть Екатерины II. – Ожидание расплаты. – Ссылка. – Письмо к Павлу I. – Милость императора. – Ожидание перемен. – Воцарение Александра I. – Фавор Дашковой. – Уплата за нее императором долга банку

В предыдущих главах мы познакомились с главными чертами характера и деятельности Дашковой. Из того уже, что мы знаем о ней, невозможно сомневаться в ее обширном уме и солидном образовании. И это единогласно заявляют многие из ее современников, хотя и относившиеся к ней вообще недружелюбно. Нам уже известно, какая жажда деятельности томила княгиню. Энергия и необычайная самостоятельность видны в каждом ее поступке. Она любит властвовать и все подчинять себе. Все у нее рассчитано и обдумано, и то, что она наметила, исполняется с глубоким сознанием необходимости совершения намеченного. В этом жестком характере, выработавшемся при суровых условиях жизни того времени, сквозят несомненно "железные" черты, и только, может быть, перенесенные испытания и долгая, исполненная огорчений и труда жизнь под конец смягчили строгую княгиню, и она, обманутая в привязанностях к своим детям, сосредоточила всю нежность своего жаждавшего покоя и любви сердца на чужом человеке, на уроженке далекой Англии, мисс Вильмот. И мы находим вполне справедливыми слова сестры этой любимицы Дашковой о знаменитой княгине: "Мне кажется, – пишет Екатерина Вильмот, стараясь набросить портрет Дашковой, – что она была бы всего более на месте у кормила правления или главнокомандующим армией, или главным администратором империи. Она положительно рождена для дел в крупных размерах"...

По отзыву такого тонкого наблюдателя, как граф Сегюр, Дашкова только по случайной, прихотливой ошибке природы

родилась женщиной. Она действительно некоторыми привычками походила на мужчину. Княгиня одевалась, как и изображена на приложенном портрете, во что-то похожее на мужской костюм, что гармонировало с грубыми, мужскими чертами ее лица.

Целый ряд современников говорит о Дашковой как о замечательной женщине. По отзыву Гельбига, она “обладала большим умом, очень многими познаниями и непревосходимой приятностью в обращении”. Английский посланник Макартней пишет о ней: “Эта женщина обладает редкой силой ума, смелостью, превосходящей храбрость любого мужчины, энергией, способной предпринимать задачи самые невозможные для удовлетворения преобладающей ее страсти”. Сама Екатерина не могла отказать ей в большом уме. И доказательством умственной мощи княгини служит то обстоятельство, что несмотря на ее невозможный характер и неуживчивость общения с ней искали люди, умевшие ценить умственные достоинства.

Недюжинные силы, данные природой Дашковой, как мы уже говорили, видны в том, что она неспособна была удовлетвориться тесным кругом, предоставленным в ее эпоху женщине. Она рвалась из этого тесного круга, она чувствовала страстную жажду кипучей деятельности. Ее ум жаждал обширных знаний, – и все это такими резкими и могучими чертами рисует нам ее образ, что его не в состоянии затуманить те недостатки, которые несомненно были у княгини и которые, в глазах ее недоброжелателей, являлись далеко перевешивающими все ее добродетели. В лице Дашковой мы видим женщину, томившуюся тогдашними общественными условиями и пытавшуюся проторить новые пути для подавленной силы.

Но несмотря на это, мы, конечно, вполне понимаем, что даже такая необычайная – по энергии и уму, и притом очень образованная, – женщина не могла многого сделать, когда она волей судеб очутилась во главе Академии наук.

В задачу этого очерка не входит подробное рассмотрение истории этого ученого учреждения. Но не мешает все-таки сказать, что Академия наук, основанная у нас Петром I, пересадившим к нам и это западное учреждение, была еще очень молодым установлением, и конечно, результаты ее воздействия на общество не могли обнаружиться в скором времени. В ней сидели почти одни немцы, которых для этого даже специально выписывали из-за границы. Эти ученые, за некоторыми исключениями, в большинстве случаев проводили время в интригах друг против друга, смотрели на свои места как на синекуры, хлопотали из-за прибавок жалованья и всячески старались затирать русских, как было и со знаменитым

Ломоносовым. Труды свои они печатали на чуждом для пригласившей их страны языке… Это был немецкий Олимп, отделенный от смертных, занятых весьма прозаическим отрабатыванием “барщины”. Трудно было рассчитывать, при тогдашних общественных условиях, на связь академической деятельности с живыми силами страны. И то обстоятельство, что Дашкова не произвела чудес во время своего управления Академией, не может быть поставлено исключительно только ей в вину. Во всяком случае, при ней это учреждение проявляет более живую деятельность.

Дашкова возвратилась из второго продолжительного путешествия в Петербург в июле 1782 года и поселилась на своей даче – Кирианово, названной так в честь святых Кира и Иоанна, празднующихся в день 28 июня, с которым связана история княгини. По соседству жила графиня Скавронская, племянница Потемкина, которую дядя очень часто навещал. Дашкова не могла не воспользоваться таким подходящим случаем и изъявила желание представить детей императрице. Вся семья принята была благосклонно. Обедали за столом государыни, и на следующий день вышел указ, которым “магистр искусств” Эдинбургского университета, князь Дашков, производился из прапорщиков прямо в гвардейские капитаны второго ранга. Ряд милостей посыпался на Дашкову при помощи благоволившего к ней Потемкина. В этом факте нельзя не видеть того, что и “великолепный князь Тавриды” поддался обаянию умной женщины, которая, впрочем, не стеснялась перед ним заискивать. От имени императрицы вскоре Дашковой было пожаловано в Белоруссии имение Круглое с 2500-ми крестьян, принадлежавшее прежде гетману Огинскому и конфискованное правительством. По поводу этого имения мы должны привести очень характерный для нашей героини эпизод. Она в своих мемуарах объясняет про Круглое, что, так как число крестьян было меньше, чем числилось в указе, то она могла бы и не утруждать императрицу, а обратиться в сенат. Но она будто бы предпочла хранить молчание. Между тем на самом деле еще в августе 1782 года Дашкова писала Потемкину. “Я ничего так не желаю, как то, чтобы Круглое вам полюбилось, и вы бы его, как еще не пожалованное мне, у ее величества выпросили, а мне бы достали то же в указе упомянутое число 2565 душ где-нибудь в России… Постарайся, мой милостивец, а то я, не зная вашей польской экономии и проживаясь в Петербурге, совсем банкрут скоро буду. Пора бы мне, кажется, умеренный, но собственный свой кусок хлеба иметь и от приказчества сыновних деревень отказаться также время”.

Дашковой просто хотелось получить имение в России потому, что она знала о бедности и разорении крестьян в Белоруссии. А слова о “незнании польской экономии” были только ловким ходом в этой погоне за благами земными, потому что княгиня и в Польше сумела бы хорошо хозяйничать.

Вот какие письма писал иногда этот автор гордых и благородных мемуаров, в которых таким возвышенным языком говорится о достоинстве человека! Не забудем также, что Дашкова не прочь была польстить знаменитому князю Тавриды и другим более сильным образом: как известно, по ее просьбе Державин написал свою “Оду к Решемыслу”. Порой Дашкова не отказывалась поухаживать и за особами не такого высокого ранга, – например, за приближенной женщиной императрицы, Марьей Саввичной Перекусихиной. И еще более странным станет нам это жалостливое указание в письмах к Потемкину на свое “банкрутство”, когда императрица говорит о Дашковой, что у нее “деньги лежат в ломбарде и она скупяга”.

В это же время княгине даются крупные суммы на покупку дома. Дашкова “кует железо, пока горячо”. Озабоченная положением своей сестры Полянской и, может быть, желая отплатить ей за ущерб, причиненный “июньской авантюрой”, она всячески старается помочь ей и успевает в этом: дочь Полянской назначается во фрейлины к государыне. Затем на долю Дашковой выпадают вскоре новые успехи.

Зимой 1782 года при дворе давали бал. Императрица, разговаривая с иностранными послами, между прочим обратилась к Дашковой со следующими словами: “Я имею сообщить вам, княгиня, нечто особенное”. И немного погодя она объявила, что назначает ее директором Академии наук и художеств. Самолюбивая княгиня была, конечно, страшно польщена этим высоким предложением, но, чтобы ее получше попросили, для виду отказывалась. Императрица уговаривала Дашкову, в самых лестных выражениях отзываясь о ее способностях и дарованиях. В истории с этим назначением княгиня опять проявляет свойственные ей горячность и нетерпение. Она в этот же вечер пишет письмо государыне, где высказывает, что боится компрометировать ее мудрое правление неумелым исполнением столь высокой обязанности. В полночь она окончила эту записку, но не могла дождаться утра и поехала с нею к Потемкину, который был уже в постели, с просьбой передать послание немедленно утром государыне. Этот отказ из приличия, конечно, не мог быть упорным, в особенности в виду выраженного настойчивого желания императрицы. И нужно, конечно, знать Дашкову, чтобы понять ее восторг ввиду такого

назначения… Такое перед всей Европой и ее тамошними знаменитыми друзьями признание ума и образования Дашковой “мудрой” императрицей должно было очень приятно льстить самолюбию подданной.

Княгиня взяла бразды правления Академией в свои крепкие и умелые руки – и в одном отношении ее командование было несомненно благотворно: в упорядочении финансовых дел этого учреждения. В течение нескольких лет она сумела скопить из так называемых “экономических” сумм сотни тысяч рублей, о чем с гордостью заявляет в своих “рапортах” государыне. Но позволительно сомневаться, чтобы тут была уместна особенная экономия. Первое заседание Академии с Дашковой во главе прошло с великой помпой. Княгиня произнесла речь о вреде взяточничества, вероятно, не очень убедившую слушавших, и с необычайным почетом обращалась со знаменитым Эйлером, против которого интриговал игравший тогда большую роль в Академии “профессор аллегории” Штелин.

Княгиня оживила ученую деятельность Академии. “Академические известия” прекратились в 1781 году, а вместе с тем замедлилось и издание “Acta Academiae Scientiorum Imperialis Petropolitanae”. При ней вышло этих последних 15 томов, выходил и “Российский Феатр” (43 части), и “Новые ежемесячные сочинения”. Целью этого последнего издания было популярное изложение научных истин для лиц, не имевших случая приобрести прочного “ученого образования”, а к этому разряду, разумеется, свободно можно было отнести большинство представителей тогдашнего общества. Княгиня пополнила коллекцию академических минералов и предпринимала хлопоты об издании точных карт внутренних губерний, а также и вновь присоединенных к России областей, но в этом отношении ей оказывала плохую услугу “канцелярская” волокита.

Но что представляется более всего интересным в академической деятельности Дашковой и вместе с тем является ее заслугой в истории русского просвещения, – это то, что она сгруппировала около себя лучшие литературные силы того времени, принимала сама участие в литературе и издавала при Академии “Собеседник любителей российского слова, содержащий разные сочинения в стихах и в прозе некоторых российских писателей”. Таково было название этого академического журнала, несколько длинное, – во вкусе тогдашних книжных названий… В этом “Собеседнике” самое деятельное участие принимала Екатерина II (“Были и небылицы” и др.), и она была, пожалуй, самым занозистым и “красным” его сотрудником. Писала статьи и княгиня Дашкова, которая,

заметим кстати, пробовала свои силы и в драматической литературе. Немало было обличительных страниц в этом журнале, имевшем в своих рядах царственную сотрудницу. Нередко попадались резкости в описании крепостного быта. Был, между прочим, рассказ про одного воеводу, “который украл 12 лучших лошадей из табуна и на них поехал в Ростов Богу молиться”.

В объявлении об издании “Собеседника” говорилось, что “польза, от сего происходящая, ощутительна, как в рассуждении российского слова, так и вообще в рассуждении просвещения”. Этот журнал должен был в себе заключать только одни “подлинные российские сочинения”. Вообще, в начинаниях Дашковой было видно желание вызвать русскую мысль к самодеятельности и придать изданию характер национальный.

Около директора Академии в “Собеседнике” группировались лучшие тогдашние литераторы: Державин, Фонвизин, Богданович, Капнист, Княжнин и другие. Как в постановке вопросов, так и в разработке их, видно несомненное влияние княгини. В “Собеседнике” была напечатана знаменитая “Ода к Фелице” Державина. Восторженная похвала Екатерине искупала заключавшуюся в оде сатиру на многих важных вельмож. В истории напечатания этой оды проявляется прежняя, не знающая границ решимость княгини. Она, не спросив даже автора, напечатала “Фелицу”, ходившую в списках по рукам, на первой странице “Собеседника” и поднесла ее императрице. В книжках “Собеседника” (вышедших 16-тыо частями в 1783 и 1784 годах) были напечатаны смелые вопросы Фонвизина; но вообще нужно заметить, что сатира этого журнала, уступавшая в едкости листкам Новикова, очень мирно уживалась с курением фимиама “Фелице” и с самой необузданной лестью ей и всем ее мероприятиям...

Конечно, литературная деятельность княгини, печатавшей, кроме “Собеседника”, и в других журналах свои заметки (например, в “Друге просвещения”, может быть, в “Русском вестнике” и др.), имеет теперь интерес только исторический и служит доказательством того, как ее подвижная и просвещенная мысль искала для себя выхода.

Издание сочинений Ломоносова (1784 – 1787 годы), к чему княгиня прилагала много стараний, должно быть поставлено ей в заслугу. Увеличение числа учеников, воспитывающихся в училище, – с семнадцати до пятидесяти, а художников – с двадцати одного до сорока, – тоже следует поставить плюсом в деятельности Дашковой, так как приготовление кадров армии работников в области науки и искусства должно было в

значительной степени оправдывать существование немецкой академии в русском государстве. Влияние княгини отразилось и на учебной программе Академии: она завела три новых курса – по математике, географии и естественной истории, преподававшихся русскими профессорами бесплатно на русском языке. Вообще говоря, время управления Дашковой Академией, по отзывам официальных историков этого учреждения, должно считаться “эпохой процветания”.

Но нужно отметить в академической деятельности Дашковой и курьезные черты, от которых, конечно, бывают не застрахованы и крупные личности. Следует сказать, прежде всего, что обращение княгини, по отзывам современников, с академическими служащими, в особенности низших рангов, не могло быть названо ласковым и даже вежливым.

Что касается издательской деятельности, то княгиня, между прочим, на иждивение Академии наук напечатала довольно курьезную книжку, переведенную в Москве под руководством протоиерея Петра Алексеева “О благородстве и преимуществе женского пола”. Конечно, княгиня как страстный партизан женского равноправия могла обратить внимание на восхваление “дам” за счет “кавалеров” при том еще условии, что это было как раз современно: указывало на “Фелицу”; но, с другой стороны, издание Академией наук такой книжки представляется явлением довольно странным для ученого учреждения.

Ромм, воспитатель графа Строганова, сообщает об одном обстоятельстве, которое, в числе многих других, говорит о слишком большой расчетливости и почти скаредности знаменитого директора Академии. Княгиня предложила графу купить кристаллографию Роме де Лиля. Строганов послал 5 рублей и получил книгу. На первом заглавном листе ее красовалась надпись: “В Императорскую С.-Петербургскую Академию от покорнейшего ее слуги-автора”. Дар, принесенный Академии, продан был за пять рублей ее президентом! Но Дашкова, вероятно спохватившись, прислала обратно за книгой, говоря, что ошиблась. Вечером принесли книгу назад: она была та же самая, только заглавный лист был вырван... И такими фактами пестрят воспоминания многих лиц о Дашковой.

Как-то летом 1783 года во время прогулки с Екатериной II Дашкова завела речь о богатстве и красоте русского языка. Княгиня заметила при этом, что не достает только правил и хорошего словаря для того, чтобы освободить наш язык от иностранных слов и оборотов. И она предложила учредить Российскую Академию. В этом, конечно, нельзя не усмотреть влияния знакомства со знаменитым академическим сонмом

“бессмертных” во Франции. Дашкова была назначена президентом нового ученого собрания, и 21 октября 1783 года оно было торжественно открыто, причем президент произнес высокопарную речь, в которой не обошлось, разумеется, без лестных реверансов в сторону “Северной Семирамиды”. Российская Академия занялась составлением словаря, причем и Дашкова была сотрудницей. Она работала в “объяснительном” отделе и составила определения следующих слов: “дружба”, “задумчивость”, “друг”, “добродетельный человек” и других.

При энергии Дашковой, она довела через 11 лет это предприятие, не имеющее, кажется, серьезного научного значения, до конца, и словарь был издан в шести томах. Хотя не мешает заметить, что Дашкова и здесь распространяется, главным образом, с гордостью о своей способности экономить в средствах.

Вообще, в деятельности княгини, как мы уже заметили, видно желание поставить русский язык на должную высоту, очистить его от иностранных слов и оборотов, хотя, если судить по русским писаниям самой княгини, трудно было ожидать, чтобы она в этой области являлась особенно компетентной.

Примирение и добрые отношения двух знаменитых женщин XVIII столетия не были продолжительны. Уверенность в своих силах и привычка повелевать людьми одной столкнулись с упрямством и сознанием своих достоинств другой. Немалое, вероятно, значение имело здесь и то обстоятельство, что Дашкова не стеснялась порой в отношениях с теми лицами, к которым благоволила императрица. Нетактичность и неуживчивость Дашковой проявлялись порой в высококомических формах, а это не могло способствовать умиротворению. Вызываемые подобными эпизодами насмешки, конечно, должны были злить знаменитого президента и только подбавляли масла в огонь.

Размолвка вышла уже по поводу шуток Льва Нарышкина над вновь основанной Российской Академией и речью Дашковой. Екатерина II также не прочь была посмеяться. Дашкова обиделась, за что и лишилась права быть членом интимного шутливого общества при дворе (“незнающих”). Вследствие этой размолвки государыня, бывшая, конечно, самым ценным сотрудником “Собеседника”, потребовала обратно рукописи своих шутливых статей, отданных туда. Несмотря на просьбы Дашковой она не согласилась их печатать.

При отъезде императрицы в Крым Дашкова не прощалась лично, а прислала письмо, в котором говорит: “Я убеждена, что вы господствуете над сердцами всех ваших подданных и что моя приверженность к вашей особе есть чувство всеобщее и вполне естественное; но или нервы мои хуже и слабее, чем у других,

только я не имею сил явиться на прощание с вашим величеством”.

Екатерина отвечала на это небольшой запиской, начинающейся следующими словами: “Вы поступили в этом случае, как и во всех других, умно и рассудительно. Письменное “прости”, конечно, лучше”.

Эти письма, во всяком случае, не указывают на дружеские отношения корреспондентов.

А тут подоспело действительно курьезное, по многим подробностям, и мало возвеличивающее Дашкову “дело о зарублении 28 октября 1788 года на даче ее сиятельства двора е. и. величества статс-дамы, Академии наук директора, Императорской Российской Академии президента и кавалера кн. Дашковой принадлежащих обершенку, сенатору, действительному камергеру и кавалеру А. А. Нарышкину голландских борова и свиньи”.

Дашкова враждовала с Нарышкиным из-за какого-то клока земли; заметив двух свиней на потраве, она велела людям загнать их в конюшню и убить, что и было исполнено. Княгиня объявила властям, производившим следствие, “что и впредь зашедших свиней и коров так же убить прикажет и отошлет в госпиталь”.

Власти, имея дело с такой высокопоставленной особой, действовали весьма галантно: они решились, однако, “выписав приличные узаконения, благопристойно объявить ее сиятельству, дабы впредь в подобных случаях от управления собою (власти боялись употребить термин “самоуправство”) изволила воздержаться”...

После этого Нарышкин, указывая на красное лицо княгини при встречах с ней, говорил при дворе: “Она еще в крови после убийства моих свиней”.

В дневнике Храповицкого отмечены по поводу этого инцидента слова Екатерины: “Дашкова с Нарышкиным в такой ссоре, что, сидя рядом, оборачиваются друг от друга и составляют двуглавого орла. Ссора за 5 сажень земли”. Дошло до того, что императрица на тему этой вражды написала пословицу: “За мухою с обухом”, где под именами Постреловой и Дурындина описана тяжба Дашковой с Нарышкиным. Впрочем, впоследствии автор решил смягчить суровость имен и выкинуть “хвастовства Постреловой о вояжах”. Заметим, кроме того, что императрица в одной из своих комедий изображала президента академии.

Не забудем, для лучшего объяснения охлаждения государыни к своей когда-то горячей поклоннице, что резкость Дашковой переходила границы дозволенного и что она, как рассказывает, например, Державин, выражалась на счет императрицы, что та

“подписывает такие указы, которые не знает”.

Не менее занимателен эпизод с графом Разумовским, которому княгиня прислала диплом академика, между тем как он этого вовсе не желал. Немного спустя она послала ему кипу русских книг на 600 рублей. Граф не взял, извинившись тем, что у него есть оригиналы этих переводов. И когда княгиня сообщила ему, что он сделан членом Академии с условием купить издаваемые ею книги, то Разумовский отослал диплом обратно.

Еще интереснее, что в другой раз, проиграв в карты 30 рублей, Дашкова послала выигравшему в уплату долга 30 академических альманахов.

Если мы примем во внимание многочисленность подобных эпизодов, где Дашкова компрометировала свое почетное звание, возбуждая насмешки и неприязнь окружающих, то поймем, что ее отношения к государыне не могли быть все время одинаково ровными.

Немало способствовал ухудшению отношений ко двору инцидент с изданием Дашковой “Вадима”, трагедии Княжнина. Появление этого произведения в “Российском Феатре” (1793 год) вызвало целую бурю. Это были очень неприятные для Дашковой сцены, хотя она при них держала себя не без достоинства. Когда императрица сказала при встрече, что “эту книгу нужно сжечь рукой палача!”, Дашкова ответила: “Не мне придется краснеть тогда!”

При таких обстоятельствах энергия Дашковой в управлении академиями слабела, и в 1794 году, в августе, она уехала в отпуск на два года, а затем испросила себе отсрочку еще на год. Прощание женщин, когда-то связанных узами приятельских отношений и объединенных участием в одном деле, было самое холодное и официальное. Им уже больше не суждено было встретиться.

Вскоре на долю княгини Дашковой выпали тяжелые испытания. Екатерина Романовна уже значительно одряхлела, и ей начинали изменять те кипучие силы, которыми она удивляла раньше. Пережитые ею горе и волнения, при свойственной ей чувствительности и самолюбии, тяжело отразились на ее стойком и геройском сердце. С детьми, история отношений к которым недостаточно еще выяснена, у нее был полный разлад: “прославленная” система воспитания дала плохие результаты. Дочь ее, вышедшая замуж за бригадира Щербинина, своим мотовством и неприязненным отношением к матери причиняла больше всего горя, хотя и с сыном было не лучше. Аристократической гордости Дашковой, заявляющей, при всяком удобном случае, о величии рода Воронцовых, был нанесен

жестокий удар женитьбой сына на простой женщине, дочери купца Алферова. Этот неожиданный брак разразился страшным ударом над матерью. Выслушивая поздравления от придворных, вероятно, не без ехидства смаковавших приключившийся эпизод, она, можно сказать, чувствовала себя на Голгофе и едва удерживалась от обморока.

А тут наступили события, которые могли только усугубить ее горести. Приближалось время расплаты за старые грехи... Императрица, наполнившая славой своих деяний Европу и вызывавшая умилительные восторги, неожиданно скончалась, заставив оплакивать себя облагодетельствованных ею людей.

Осенью 1796 года Екатерина Романовна жила в своем любимом Троицком. Там тогда было многолюдное общество. “Блудная дочь” княгини – Щербинина – тоже жила у матери. Была там и англичанка, мисс Бетси. В один из ноябрьских вечеров к княгине приехал серпуховский городничий и привез печальную весть.

– Княгиня, какое несчастье нас постигло! Императрица скончалась! – сказал он.

Это было неожиданным и смертельным ударом для княгини: она побледнела и зашаталась. Дочь бросилась на помощь.

– Нет, нет, не бойся за мою жизнь, – проговорила Дашкова, – умереть теперь было бы счастьем... Судьба сохраняет меня для более тяжких страданий.

Известно было всем, что император Павел терпеть не мог Дашковой, и конечно, нельзя было сомневаться, что ей предстояли испытания.

Через несколько дней был получен указ, которым княгиня отрешалась от всех ее должностей. Но это явилось только началом злоключений.

В Москве, куда приехала вскоре Дашкова, 4 декабря к ней лично явился московский главнокомандующий Измайлов и объявил ей волю Павла I, о чем доносил своему повелителю: “Имел счастие вашего императорского величества повеление получить: объявить княгине Дашковой, чтобы она выехала в деревню”.

Она уехала в Троицкое. В это тяжкое время ее особенно утешал брат Александр, ободрял и заставлял надеяться на лучшее будущее. “Подожди до коронации, – писал он, – и ты увидишь большую перемену в обращении с тобой”.

Однако через несколько дней получено было новое повеление императора: оставить Троицкое, ехать в одну из деревень сына в Новгородскую губернию и там ждать дальнейшего распоряжения. Временный московский губернатор Архаров доносил вскоре

Павлу, что вслед за Дашковой он отрядил “испытанной верности и расторопности штата полицейского титулярного советника Иевлева для примечания и малейших ее движений”. Кажется, уж совсем излишняя предосторожность по отношению к старой княгине. Укатали сивку крутые горки!

В этой глухой, маленькой деревне Коротове, близ Череповца, куда княгиня с сопровождавшими ее друзьями и дочерью с трудом добралась в зимнюю пору, – ей в мужицкой избе пришлось ожидать дальнейших ударов. Хотя у Дашковой были громадные связи, и ее родственники желали ей помочь, но свойства лица, к которому следовало обращаться за помилованием, были таковы, что не всякий момент являлся для этого подходящим. Поспешностью и несвоевременностью можно было совсем испортить дело.

По совету князя Репнина, Дашкова написала письмо императрице с приложением письма и к государю. Она знала добрый характер государыни, но, с другой стороны, не могла рассчитывать на особенно любезное ее отношение к представителям фамилии Воронцовых.

Горе и испытания сломили старую княгиню, хотя она и старается в своих записках выставить себя Муцием Сцеволой и об этом письме к государю говорит, что оно было скорее надменное, чем умоляющее. Но на самом деле вот это письмо (в январе 1797 года): “Милующее сердце вашего императорского величества простит подданной, угнетенной болезнью, что сими строками прибегает к благотворительной душе монарха… Будь милосерд, государь, окажи единую просимую мною милость: дозволь спокойно окончить дни мои в калужской моей деревне. Неужели мне одной оставаться несчастной, когда ваше величество всю империю осчастливить желаете и столь многим соделываете счастие… По гроб буду государя человеколюбивого прославлять”.

И письмо Дашковой, которое боялись вручить взрослые, переданное отцу руками малютки великого князя, Николая Павловича, возымело желаемое действие.

В Коротове, где с трепетом ждали появления приказа о “местах, не столь отдаленных”, в феврале 1797 года получили лаконичное, но произведшее радостное впечатление послание Павла I: “По желанию вашему, княгиня Екатерина Романовна, – писал государь, – я дозволяю вам жить в вашей калужской деревне. Ваш благосклонный Павел”.

Дашкова, которая вправе была ожидать сурового к себе отношения, разразилась восторженным благодарственным ответом на эту царскую милость.

Изгнание кончилось, и обстоятельства складывались

настолько благоприятно, что княгине скоро было разрешено свободное проживание везде, даже в столицах, но во время отсутствия в них царской фамилии. Это было результатом возвышения князя Дашкова, полюбившегося Павлу. Но, как известно, милости государя были не настолько прочны, чтобы на них можно было положиться. Настроения его так капризно и неожиданно менялись, не повинуясь никаким законам, что обласканный им сегодня был уже опальным завтра. То же произошло вскоре и с сыном княгини, которому государь по поводу какой-то просьбы его за постороннее лицо объявил: “Так как вы мешаетесь в дела, до вас не касающиеся, поэтому увольняетесь от службы. Павел”.

После получения полной свободы Дашкова посетила свои поместья и поспешила поправить расстроенное хозяйство. В особенности дело было плохо в ее белорусских поместьях, которыми управлял поляк, рассчитывавший, что Дашковой несдобровать, и потому не стеснявшийся в своих распоряжениях. На возвратном пути из Белоруссии княгиня посетила брата Александра и прожила у него в Андреевском довольно долго. Она пересадила в его садах деревья и кусты по своему вкусу. Нужно сказать, что княгиня была замечательным садовником, и ее распоряжения и инструкции по этой части показывают, что она тонко знала это дело.

Любимыми темами разговоров с братом Александром, одним из образованнейших людей екатерининского царствования, были политические события в Европе; уделялось немало бесед и печальному положению родины. Княгиня не раз высказывала свою уверенность, что в 1801 году должна произойти большая перемена. Действительно, “бессознательное” предчувствие Дашковой оправдалось: 13 марта 1801 года на престол вступил Александр I, – и все вздохнули свободно... Княгиня написала восторженное, радостное письмо молодому императору... Граф Александр Романович, как известно, скоро был назначен великим канцлером, и княгиня Дашкова приглашена ко двору, куда она, впрочем, явилась лишь в мае 1802 года. Но, конечно, при дворе она нашла не совсем приятную для себя перемену. Там была пылкая молодежь – первоначальные союзники императора, не стеснявшиеся третировать екатерининских ветеранов, начиная с их старомодных манер и костюмов и кончая убеждениями. Впрочем, княгиня встретила очень дружеский прием от императора и обеих императриц. Во время коронации она как старшая статс-дама занимала первенствующее место, и между другими милостями, оказанными старухе, Александр I взял на себя ее долг банку (44 тысячи рублей).

После означенной поездки в Петербург (княгиня уехала оттуда в июне) она была там еще только один раз для свидания с братом Семеном Романовичем.

Последние дни княгини Дашковой прошли скромно и тихо. В ее деятельности за это время следует главным образом отметить составление интересных мемуаров, представляющих ценный вклад в русскую историческую литературу.

Глава VI. Последние годы

Могучее влияние “общественного воспитания”. – Волшебный калейдоскоп. – Письмо А. Р. Воронцова. – Эпизод с Пугачевым. – Троицкое и Москва. – Картины из жизни Дашковой в имении. – Москва – сборный пункт вельмож “не у дел”. – Монументальная фигура Алексея Орлова. – Примирение с ним Дашковой. – Пир, заданный в честь нее чесменским богатырем. – Боязнь и уважение Дашковой в московском обществе. – Отзывы иностранки о России. – Потребность Дашковой в привязанности и симпатии. – Дружба с мисс Вильмот. – Составление мемуаров. – Сплетни насчет англичанок. – Смерть сына. – Примирение с невесткой. – Отъезд мисс Вильмот. – Трогательные письма. – Последние дни. – “Практичные” распоряжения. – Смерть. – Заключение

Общественные условия и воспитание являются могучим рычагом для образования известных нравственных наклонностей. Развитие ума чтением и обменом мыслей может известным образом расширить взгляды и уяснить многие теоретические представления; но оно не может органически проникнуть в нравственную природу человека и переделать ее в направлении, противоположном тому, в котором действовало в продолжение многих лет общественное воспитание. Могучие умы Аристотеля и Платона не избавляли их от утверждения, что рабство естественно и необходимо.

В истории Дашковой повторяется та же истина. Общественные условия тогдашней России и принадлежность к тому кругу, который монопольно пользовался жизненными благами, – все это должно было развить в Екатерине Романовне нравственные свойства, вполне гармонировавшие с окружающей обстановкой. Знаменитая княгиня всеми своими “корнями” сидела в родимой почве, в крепостной России, с ее уважением к титулам, власти и силе, с ее третированием “подлого” сословия – крепостных. Развившийся чтением и образованием большой природный ум позволял, конечно, Дашковой понимать значение и прелести таких писателей, как Д’Аламбер, Дидро и Вольтер. И этот же ум приходил на помощь нравственным привычкам и создавал хитрые и очень удобные теории, наподобие той, которая была высказана в разговоре с Дидро о “крепостных”. Но склад понятий, требования, предъявляемые к людям и себе, – все это оставалось окаменелым в том виде, как образовалось еще в доме канцлера, где долго жила девушка. Не будем распространяться на ту тему – это стало теперь банальной истиной, что обладание

“душами” при полной бесконтрольности действий владельцев и безнаказанности могло действительно только лишь портить отношения к человеку, третировавшемуся, как вещь; а область отношений к людям и есть именно область нравственных явлений...

Вышеуказанная истина о могучей силе общественного воспитания, как мы видим, вполне оправдалась в жизни Екатерины Романовны. Дашкова была одним из интересных экземпляров того века, когда, как в волшебном калейдоскопе, перемешалось: продажа “крепостных” оптом и в розницу с тирадами о “правах человека”; Дидро и Вольтер – с Шешковским; мудрые истины “Наказа” – с путешествием Радищева в Сибирь и “великолепный князь Тавриды” – с явлениями вроде знаменитой Салтычихи. Но Дашкову отличает от толпы ее современников большое образование и сильный ум, горячие искры которого светятся во многих мыслях, красноречиво высказываемых в “мемуарах”, но которым княгиня – увы! – в жизни весьма редко следовала.

Образ Дашковой выяснился перед нами достаточно; но, чтобы еще всестороннее обрисовать эту личность, мы, подходя к ее последним дням, представим дополнительные черты.

Вот что писал Дашковой брат А. Р. Воронцов из Лондона еще в 1762 году. “По всем сведениям, доходящим до меня, государыня очень добра к вам; поэтому я не могу оправдать то, что вы так мало позаботились о судьбе сестры нашей Елизаветы... Если она и провинилась в чем-либо пред императрицей, о чем я, впрочем, не слыхал, вы должны были бы вместо всякой награды для себя испросить ей помилование и предпочесть его екатерининской ленте; вы не нарушили бы в таком случае тех философских правил, которые вы мне проповедовали и которые заставили меня думать, что вы придаете мало значения суетным отличиям... Но я ошибся: они важны для вас так же, как и для других...” Затем дальше шло еще более серьезное: “Не без большой горести я должен вам высказать, милостивая государыня, что здесь распространились слухи, не делающие вам чести... Говорят, что вы завладели всем, что имела моя сестра, и что даже отказали ей в необходимом для ее отправки в деревню... Конечно, государыня может располагать этим имуществом по своему усмотрению, тем более, что все, что имела эта несчастная, как известно, она получила от двора. Но не лучше ли было бы для вас не принимать этого? Если вы подумаете, то поймете, что этот поступок не увеличит к вам ничьего уважения. Я посовестился бы воспользоваться чьим бы то ни было несчастьем, а тем более сестры или кого-либо из близких...”

Хотя Дашкова энергически оправдывалась перед братом, и он взял некоторые из своих обвинений назад, но все-таки можно думать, что она, если и не захватила силой, то получила в подарок драгоценности, пожалованные прежде ее сестре. Между тем, по мнению брата, она должна была отказаться от такого подарка. Уже один факт обвинения Дашковой в таких действиях (а были обвинения и хуже) указывает на сложившееся о ней мнение в обществе.

Письма великого канцлера о племяннице тоже весьма для нее неблагоприятны.

Но мы должны из писем Дашковой к брату привести и те, которые указывают на ее благородство в известных случаях. Так, например, на запрос брата, смотрела ли она Пугачева, сестра отвечает: “Сколь ни отвратителен он по злодеяниям своим и сколь возмездия по оным ни справедливы будут, но окованный человек и осужденный к смерти мне не иначе как жалостным предметом представляется... Мало ты меня, батюшка, знаешь!”

Из интересных писем старшей мисс Вильмот, жившей у Дашковой в последние ее годы, выясняются многие подробности как образа жизни княгини, так и привычек того общества, где она вращалась. Мы приведем наиболее любопытные из этих сведений.

Последние годы княгиня жила в своем имении Троицком и в Москве, изредка навещая другие поместья и совершая поездки к родственникам и по некоторым монастырям, которые показывала своим гостям-англичанкам. Она, при своей хозяйственности, привела Троицкое в блестящий вид: там были прекрасный парк и сад в английском вкусе, масса хозяйственных построек, оранжерей и теплиц. Интересно было смотреть на эту маленькую старушку, среди ее богатых владений, одетую в сюртук из темного сукна, иногда с колпаком на голове и с оборванным платком на шее – подарком мистрисс Гамильтон, с которым Дашкова не расставалась 20 лет и который уже превратился в тряпку...

В этом-то Троицком властвовала княгиня; сюда наезжали нередко ее титулованные и богатые родственники и знакомые, причем гостеприимство хозяйки выражалось часто в довольно оригинальной форме: она, будучи экономной, заставляла работать лошадей, – предварительно, конечно, накормив их, – на которых приезжали гости. Сюда посетители возили подарки, которые княгиня иногда бесцеремонно требовала. И у нее в Троицком хранилась масса всевозможного хлама.

Богатство хозяйки, ее высокое придворное звание и значение при дворе, а также ее образование и ум – все это обусловливало тот глубокий почет и уважение, которыми пользовалась княгиня у

себя, в Троицком, и в Москве.

Известно, что Москва в конце прошлого и начале нынешнего столетий играла роль сборного пункта потерявших значение, но когда-то пользовавшихся им вельмож. В Петербурге, где их заменили другие, бывшие властелины не могли играть уже первых ролей и им часто приходилось стушевываться перед “молокососами”, но в первопрестольной они могли развернуться “вовсю”. Во времена Дашковой в Москве было немало этих развалин прошлых царствований. Эти дряхлые старики, украшенные всеми высшими орденами, гордые воспоминанием о своем давно уже миновавшем значении, блиставшие звездами, бриллиантами и камергерскими ключами, ходили по громадным залам своих дворцов, как какие-то призраки или привидения. Они важно блюли этикет, ездили на восьми лошадях, в парадных каретах, цугом, и обедали с гайдуками за креслом.

Среди этих развалин минувшего возвышалась монументальная фигура Алексея Орлова, самого богатого из московских вельмож. Атлетическое сложение и суровая энергия его лица, отмеченного шрамом, по-прежнему отличают этого знаменитого старика от толпы его современников. На его руке, осыпанной бриллиантами, всегда можно видеть портрет Екатерины II.

Десятки лет прошли с тех пор, как между Орловым и Дашковой вспыхнула жестокая вражда, и в течение этих долгих лет они не встречались. Но зимой 1804 года старые враги помирились.

Княгиня Дашкова терпеть не могла Орловых, в особенности Алексея, который, конечно, платил ей тем же. Эта нелюбовь к главным участникам события 28 июня 1762 года была одной из причин того охлаждения государыни к Дашковой, о котором мы уже говорили. Но теперь старым недругам не из-за чего было враждовать.

– Много утекло времени, граф, с тех пор, как мы виделись, – говорила княгиня при встрече с Орловым, – мир, в котором мы когда-то жили, так переменился, что наше свидание теперь, мне кажется, более всего походит на встречу за гробом.

Начиная с Орлова, вся московская знать относилась очень почтительно к княгине, считавшейся в Москве первой особой. Это почтение, может быть, обусловливалось и боязнью насмешливого и острого языка княгини. В честь Дашковой, в особенности когда она жила в Москве с сестрами Вильмот, давались знатью балы, из которых гомерическим богатством и чисто русскими особенностями отличался пир, данный чесменским героем в честь Екатерины Романовны.

Все было богато и оригинально на этом празднике, атлетическая фигура самого хозяина с алмазным портретом Екатерины II на груди высилась над всеми присутствующими. За графом стояли два гайдука с карликом. Шут забавлял публику своими дурачествами. Толпы рабов разных наций в пестрых костюмах расхаживали по длинному ряду комнат и разносили гостям лакомства и напитки. Грациозная, молоденькая дочь хозяина принимала деятельное участие в танцах. По желанию отца она проплясала танец с шалью, тамбурином, казачка, цыганку и пр., причем две служанки выполняли вместо нее фигуры, считавшиеся не совсем приличными для молодой графини. Гости стали в круг и благоговейно любовались хозяйской дочерью. За танцами последовал ужин со страшным количеством блюд. Тост за Дашкову был провозглашен при громе труб и литавр, и все собрание встало и низко ей поклонилось… За ужином хор песенников тянул русские песни, а когда он умолкал, раздавались звуки рогового оркестра, – все это были свои крепостные…

В этом обществе, исполненном грубых, устарелых предрассудков, где все было основано на внешнем успехе, где еще носились парики, старухи пудрились и красились, надевали на себя массу побрякушек, – появление умной, обладавшей беспощадным языком и резкими манерами, одетой весьма просто Дашковой производило эффект и иногда страшный переполох. Привыкнув быть всегда “первой” и сознавая свое умственное превосходство, княгиня усвоила властный тон и вообще импонировала своей особой. Мисс Вильмот передает в своих записках, что иногда, например, весьма почтенные люди, крупного чина и звания, не осмеливались садиться в присутствии княгини и разговаривали с нею стоя.

В Москве, по отзывам современников, тогда жилось весело. Но среди этих салонов, занятых пустяками и карточной игрой со сплетнями, все-таки выдавался своей серьезностью салон княгини. Там всегда можно было найти литературную новинку, там велись и политические споры, в особенности когда воцарился Александр I.

Мисс Вильмот делала очень печальные выводы относительно тогдашнего строя гостеприимно приютившей ее страны. Она говорит: “Подчиненность развита здесь до крайней степени. В понятиях массы слова *хороший и плохой* – это лишь синонимы благоволения и неблаговоления; уважение к личному достоинству заменяется уважением к чину”. И вообще, по замечанию наблюдательницы, тогдашняя Россия относительно образования находилась еще в XIV или XV столетии

применительно к Европе. Роскошь Москвы и цивилизация Петербурга – эти два города в отношении к целой стране уподобляются “модной парижской шляпке на голове грубой деревенской девочки”.

Жизнь в Троицком и Москве, хотя и наполненная делами по хозяйству, перепиской с многочисленными знакомыми и с государственным канцлером – братом Александром Романовичем, не могли, однако, удовлетворить княгиню. Ум ее был, правда, занят, но и сердце начинало предъявлять свои требования.

Природа, как мы видели, не наделила Дашкову особой мягкостью и жаждой симпатии. Мы уже знаем эту истину из ее отношений к людям, размолвкам с которыми помогали ее сварливость и неуживчивость. Но еще яснее эта черта видна в отношениях княгини с детьми, с которыми она всю жизнь не ладила. Правда, дети сами относились к ней плохо, но такое отношение было во многом обусловлено качествами матери, ее непокладистостью и придирчивостью. Во имя своей аристократической гордости она не желала в продолжение многих лет видеть кроткой жены сына; этот выбор уязвил ее в самое сердце, и ее чувства в этом случае напоминали до известной степени решимость брамина, согласного скорее умереть, нежели общаться запросто с “парией”. У княгини были постоянные истории и с дочерью.

Но вот наступила и старость. Дашкова испытала много горя и волнений, ее удручали болезни, а удовлетворения, которое могло бы наполнить старческие годы счастьем, не было. Может быть, она уже сознавала, что те “суетные отличия”, за которыми она гналась в прошлом, не дают прочного счастья людям, и в глубине ее сурового сердца заискрился родник теплого чувства, жажда приветливых и задушевных отношений, потребность в сыновней ласке, потребность в близости молодого, любящего существа. Но детей около не было... Вблизи нее не раздавалось детского лепета внуков; она не слышала этого простого слова “бабушка”, которое так сладко звучит в устах ребенка... С другой стороны, княгиня не встречала отклика в своих детях, и потребность в дружбе и симпатии у нее проявилась в отношении к постороннему человеку – дочери “гордого Альбиона”, к которому она вообще чувствовала слабость, мисс Вильмот.

Эта девушка была кузиной старинной приятельницы Дашковой мистрисс Гамильтон, приезжавшей в Россию во время управления княгиней Академией и прожившей у нее целый год. Симпатичная и кроткая, Мэри Вильмот усладила последние годы жизни Екатерины Романовны; ее настояниям мы, между прочим, обязаны тому, что княгиня написала свои “мемуары”. Издавна

благоговевшая перед княгиней, по рассказам Гамильтон и других знавших ее лиц, мисс согласилась посетить Россию и прожила у Дашковой пять лет.

Мэри Вильмот приехала в Россию летом 1803 года. Англичанка уже раскаивалась в предпринятом ею намерении, так как в Петербурге, остановившись у Полянской, она сразу окунулась в мир сплетен, ходивших тогда про княгиню Дашкову, которую вообще недолюбливали. Ее рисовали жестокой, мстительной, необузданной, и она стала уже представляться воображению девушки в образе не благодетельной, а злой феи. Но прием, оказанный гостье княгиней, и уже первое знакомство с ней рассеяли все эти опасения. И удивительно, что Дашкова, неуживчивая и ко всем требовательная, так сошлась со своей гостьей, что полюбила ее, как родную дочь, и между ними не было ни малейших недоразумений. Вероятно, девушка ей понравилась своей кротостью и умом, а Дашкова очень нуждалась в присутствии около себя нежного и преданного существа, на которое она могла бы излить свою симпатию. Известную роль тут, впрочем, могло играть и то обстоятельство, что Вильмот была англичанка, кузина Гамильтон, и в лице ее, так сказать, Европа, перед которой всегда любили расшаркиваться представители нашей знати, могла осудить Дашкову, если бы она не проявила ласковости к своей иностранной гостье.

Княгиня встретила мисс Вильмот в длинном темном платье с серебряной звездой на левой стороне груди; головной ее убор состоял из мужского ночного колпака, а шея обвязана знаменитым оборванным платком мистрисс Гамильтон.

Они зажили дружески, и мрачный дом княгини оживился с приездом “ангела”, как звала хозяйка свою гостью. Совершались прогулки по окрестностям, в Москву, к родственникам; устраивались parties de plaisir[4]; высокие комнаты оглашались звуками рояля, на котором недурно играла мисс Вильмот; крепостная труппа чаще прежнего стала забавлять владелицу и ее гостей в домашнем театре.

Дашкова очаровывала своими рассказами гостью. В этих повествованиях проходил ряд важных событий, интересных лиц, трагических и трогательных подробностей. Мисс Вильмот указывала на важность пережитого княгиней и упрашивала ее написать свою биографию. Это предложение должно было, как надо полагать, льстить и самой княгине. Записки были написаны в один год и закончены осенью 1805 года. Они помещены, между прочим, по-французски, как и написаны, в двадцать первом томе “Архива князя Воронцова” (“Mon Histoire”). Мы уже говорили о некотором восхвалении себя Дашковой в этих мемуарах, где “я”

автора слишком выдвигается на первый план; но это все-таки в высокой степени интересные мемуары. Там немало рассыпано живых и благородных мыслей, сообщается в талантливом и ярком рассказе масса исторических подробностей и встречаются блестящие характеристики современников.

Осенью 1805 года в Троицкое, по приглашению Дашковой приехала и старшая Вильмот (Екатерина), выдержки из интересных писем которой мы приводили выше. Но сплетня скоро отравила пребывание англичанок в доме Дашковой. Она касалась Мэри, имевшей будто бы виды как на состояние княгини, так и на ее сына, не жившего со своей женой. Но так как задуманный план (развод князя с женой и женитьба на англичанке) был отвергнут, то, по этим сплетням, мисс Вильмот и произвела разрыв между матерью и сыном. Был пущен даже слух, что сестры Вильмот – лица, опасные для государства, и что за ними нужно зорко следить.

Мэри Вильмот была в очень неловком и ложном положении; но ей жаль было старухи, и она, сначала предполагая уехать в Англию, решилась остаться в России. Мэри упрашивала Дашкову примириться с дочерью и сыном, но та ни за что не хотела согласиться на это. У княгини были свои понятия о “долге”, которым она неизменно следовала. Дети, живя в одном городе с матерью, однако, не виделись с нею. Но то, что не примирялось в жизни, примирила смерть. В начале января 1807 года Дашкова узнала, что Павел Михайлович лежит в горячке и что положение его в высшей степени опасно. Но матери уже не суждено было видеть сына: он умер без нее, живя в одном городе с ней! Любимый брат Дашковой – Александр Романович – умер еще ранее, в конце 1805 года. Смерть сына тем более должна была подействовать на мать, что привела к окончательному разрыву ее с дочерью.

Князь Дашков, получивший столь блестящее образование, был красавцем в молодости: он привлекал взоры огромной толпы, собравшейся на пышном празднике Потемкина в Таврическом дворце. Павел Михайлович танцевал в паре с молоденькой княжной Барятинской, впервые появившейся тогда в обществе и удивлявшей всех красотой и грацией. Но князь уже вскоре, кажется, предаваясь неумеренно житейским удовольствиям, растерял свое образование и красоту. Его очень любило московское дворянство и два раза выбирало своим губернским предводителем.

Печаль гордой княгини должна была еще более усилиться оттого, что со смертью сына у нее была отнята надежда на продолжение мужского потомства: род князей Дашковых

пресекся... Как известно, по просьбе княгини, фамилия Дашковых перешла, вместе со многими родовыми богатствами, к племяннику Екатерины Романовны – графу И. И. Воронцову.

Смерть сына примирила свекровь с невесткой, которая вскоре прибыла в Троицкое. Старая и молодая Дашковы встретились трогательно: обнимаясь, они рыдали... Свекровь постаралась обеспечить будущность невестки. Но простушка вдова, старавшаяся чрезмерной внимательностью понравиться свекрови, не могла удовлетворить тонкой натуры Дашковой, и все симпатии последней были на стороне чуткой и образованной Мэри Вильмот. Любовь свою и нежность к этой девушке она проявляла в целом ряде действий. Она устраивала для нее праздники, прогулки, дарила ей очень ценные вещи, между прочим и тот знаменитый веер, который когда-то подарила Дашковой покойная Екатерина II, будучи еще великой княгиней. Дашкова постаралась обеспечить мисс Вильмот и более прочным образом, переведя на ее имя в Англию 5 тысяч фунтов стерлингов, а это было все-таки довольно большой жертвой для расчетливой княгини, несмотря на ее богатство. Она, кроме того, поручала свою гостью вниманию императрицы Марии Федоровны.

Старшая мисс Вильмот, скучая по Англии, уехала от Дашковой в 1807 году и увезла с собой копию мемуаров княгини. Младшая сестра тоже томилась по родине, но не хотела покинуть старого друга, испытавшего столько утрат и заметно уже приближавшегося к закату. Но вскоре между Россией и Англией была объявлена война, и англичане спешили брать паспорта и выезжать на родину. Однако мисс Мэри могла окончательно распроститься с Троицким и его обитателями не ранее осени 1808 года, и то с разными приключениями и осложнениями; но непременно обещала свидеться со своей “русской матерью” (как она звала княгиню), лишь только мир будет заключен. Однако им уже не суждено было больше свидеться.

Переписка с уехавшим другом стала единственной отрадой покинутой старухи. “Что мне сказать, милое мое дитя, – пишет княгиня осенью 1809 года, – чтоб не огорчить вас? Я тоскую, очень тоскую; слезы текут ручьем, и время никак не может помирить меня с мыслью о вашем отсутствии. Я стараюсь рассеять себя: построила мост, насажала несколько сот деревьев и кустов в своем саду; но все это только на минуту развлекает мои мысли, и я снова начинаю грустить”. “И как все переменилось в Троицком! – пишет она спустя несколько дней. – Театр закрыт, и после вас не было ни одного представления; фортепьяно молчит, и даже сенные девушки перестали петь песни. Все жалеет о вас и

все сочувствует моему унынию. Но к чему я говорю об этом? Вы окружены родными, которых любите и которые вас обожают; ваши дни исполнены радостей... Пусть мне одной суждено страдать! Зная, что вы счастливы, я не хочу жаловаться"...

Кроткой, трогательной грустью веет от этих страниц... В них вылилась вся жажда тихой, сердечной привязанности, вся тоска старческого одиночества! Впереди уже нет радостей и интересов – они в прошлом; в будущем – безнадежная тоска и...могила!

Последнее письмо к "милой Мэри" было написано Дашковой за два месяца до ее кончины дрожащей рукой. Оно оканчивалось трогательными словами: "Прощай, мое милое дитя! Да будет над вами благословение Господне!"

Княгиня еще ранее, в ожидании кончины, сделала распоряжения, которые и тут указывали на ее деловитость. Она привела в порядок свой естественный кабинет, собранный большей частью во время путешествий по Европе, и подарила его Московскому университету. На память о себе она отправила многим лицам разные вещи, – несколько редкостей императору и двум императрицам, от которых получила дружеские письма. В ожидании смерти она составила и свое духовное завещание, в котором предусмотрела много практических вопросов. Так, в письме к душеприказчикам она просила на погребение пригласить только двух священников с духовником. "Дать им по усмотрению, но не более 200 руб. всем, а тело погребсти в Троицком". Указанным в духовной "девкам", служившим при ней, княгиня давала отпускные "вечно на волю" и с награждением годовым жалованьем. Дочь свою Щербинину она лишила наследства, назначив ей лишь ежегодные, довольно скромные денежные выдачи. "А как по запальчивости нрава дочери моей Настасьи Михайловны Щербининой, – откровенно объяснялось в завещании, – изъявлявшей противу меня не только непочтение, но и позволявшей себе наносить мне в течение нескольких месяцев огорчения и досады, – то я от всего движимого и недвижимого имения моего ее отрешаю!"

В декабре Дашкова, уже больная и слабая, переехала в Москву. 4 января 1810 года она скончалась и похоронена в церкви села Троицкого. Ее мемуары, с приложением писем Екатерины II, были изданы (по-английски) в 1840 году в Лондоне мистрисс Бредфорд, – бывшей мисс Вильмот, – верным и непоколебимым другом покойной. Может быть, эта стойкость в высокой оценке Дашковой со стороны такой симпатичной и прекрасной особы, как издательница мемуаров, является доказательством нравственной и умственной силы княгини, а также и мягких сторон ее личности, которые ускользали от других наблюдателей.

Во всяком случае, образ княгини отмечен печатью несомненного ума и жаждой более возвышенных наслаждений, которая является обыкновенно уделом только избранных натур.

Источники

Главными пособиями при составлении этого очерка служили, кроме “Архива князя Воронцова” (том V, XXI и др.), статьи:

1. *Д. Иловайского* “Екатерина Романовна Дашкова” (“Отечественные записки”, 1859 г.).

2. “Княгиня Е. Р. Дашкова” *В.И. Семевского* (“Русская старина”, 1874 г.).

3. “Литературные труды княгини Дашковой” *Афанасьева* (“Отечественные записки”, 1860 г.).

Кроме того, приходилось пользоваться и позднейшими сведениями, как из отдельных изданий, так и из заметок и статей, помещенных в исторических журналах.

notes

Примечания

1

партизан – здесь в смысле “сторонник”

фигурой речи *(фр.)*

З

грубый тиран *(лат.)*

увеселительные прогулки *(фр.)*